

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

66

МЮНХЕН 1992

СОДЕРЖАНИЕ

Д.Штурман. Между "нужно" и "можно"	1
В.Пирожкова. В Россию через полвека	2
Бросьте жаловаться. Хуже было... (<i>Интервью</i>)	15
С.Тиктин. О некоторых особенностях "чернобыльских" радиационных поражений	18
От редакции	28
А.Федосеев. Пока трудящиеся не начнут заинтересованно "вкалывать", из кризиса не выйти	29
В.Тарасов. Общество равных возможностей	41
Письма в редакцию	
В.Рудинский. Н.Драгун	45

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№66

Сентябрь 1992

Мюнхен

Дора ШТУРМАН

МЕЖДУ "НУЖНО" И "МОЖНО"

29 декабря 1991 года президент Ельцин выступил с новогодним поздравлением и обращением к народам России. Он не произнес его в полночь с 31 декабря 1991 года на 1 января 1992 года, чтобы, по-видимому, не соответствовать советско-коммунистической традиции. В этой речи, произнесенной уверенно, благожелательно и со свойственным Ельцину тех времен обаянием искренности, был перечень всех указов, которые открывали путь к действительным фундаментальным реформам в России. Часть пунктов была президентом зачитана. Вся стратегическая программа была многократно опубликована в России. Полностью и оптимально решался вопрос о земельной собственности и другие проблемы неподдельной приватизации и демонополизации хозяйства. Можно было вздохнуть с облегчением. Но – облегчение было недолгим: Верховный Совет России, а потом и Съезд народных депутатов России **ни одного из основополагающих** пунктов указов Ельцина не утвердили. До сего дня (пишу это 21 сентября 1992 года: сегодня все меняется по минутам).

Ясность для Ельцина безнадёжной системной тупиковости социализма, понимание им фундаментальных причин этой тупиковости, характер и очередность мер по десоциализации хозяйства – все это явилось в его выступлениях 1990-91 годов в необходимой и достаточной мере. В ряде статей это было показано мною текстологически, цитатно. Представления Ельцина 1989-91 годов и его круга исключали бессмысленный и губительный отпущен **цен без предшествующей приватизации земли, хозяйства, промышленного производства** (последнего – поэтапно, но достаточно быстро и радикально), **торговли**. "Освобождение" цен без этих шагов оставалось – остается не более, чем их повышением.

Что же произошло и происходит?

Тоталитарная коммунистическая (она же социалистическая) система – это прежде всего люди и их отношения. 19-21 августа 1991 года (как бы сегодня ни трактовать и ни расшифровывать подспудный механизм событий, что не входит сейчас в нашу задачу) **все аппараты системы в лице своих человеческих контингентов и их явных и тайных ресурсов нигде не делись**. Структуры КПСС, КГБ, ВПК, ВЦСПС, их депутатские корпусы разного

уровня остались основой административной Системы. По разным данным, численность **всего** человеческого контингента Системы (без состава семей и кормившейся вокруг властно – охранно – военно – административных структур "обслуги", включая идеологическую, медицинскую, торговую и пр.) равнялась примерно 40 миллионам человек.

"Задним умом" не только "русский мужик крепок" – **после содеянного** умны мы все. **Теперь** видится так, что на гребне августовского энтузиазма (чем бы и как бы ни трактовали сегодня "не-шторм" Белого Дома и степени осведомленности и взаимосвязи его персонажей) Ельцин **мог** резко изменить ситуацию. Он **мог** распустить ВС России, аннулировать институцию Съезда народных депутатов, наложить мораторий на старую конституцию и провести чрезвычайным путем законы реформы. Так, повторяю, видится сегодня. Но Ельцин избрал путь легитимной реформации. При сохранении, в основном, прежней структуры Системы этот путь ему вот уже более года не удается. А распад хозяйства, экологии и политическая дестабилизация продолжают.

И тут мне хотелось бы перестать говорить о Ельцине и спросить (себя и других): почему для реванша Системы, для провокации военных конфликтов в пространстве СНГ, для совершенно утопического и смертоносного восстановления СССР объединились самые, казалось бы, несоединимые силы, а для поддержки совершенно необходимых реформ, олицетворяемых с 1990 г. Ельциным и его кругом (кем же другим?), для создания мирного и взаимно дружественного общего экономического и правового пространства на месте насильственного СССР не объединяется никто?

Коммунисты, монархисты, националисты, расисты, кагебисты, псевдохристиане, "интернационалисты", патриоты, авантюристы-люмпены, уголовники и еще более фантастические партнеры образуют единый смертоносно-самоубийственный провокаторский фронт во всем СНГ и вокруг него. А демократы, либералы, реформаторы, прогрессисты и культурные патриоты (без "псевдо") устали, остыли, пересорились. Они находят силы и время только для взаимной грызни, для разоблачений друг друга, для иронического и скептического самовыражения, для констатации тупика, для

обличений Ельцина как не оправдавшего их надежд героя.

Что же он может сделать один, с узким кругом своих помощников и единомышленников, господ? Чем вы ему помогли?

Кто формирует настроение и активность снизу и массово, в хозяйственном и самоуправленческом смысле? Чего ждали и ждут демократы от себя самих?

Опять после народного сознания и житейская, бытовая, хозяйственно-деловая практика мест, "низов", народа – вне поля прогрессистско-демократического сознания. Она отдана на откуп "ловящим кайф" авантюристам и всех мастей" реваншистам Системы, как была отдана провокаторам разрухи в феврале-октябре 1917-го.

Не столетия гнета ждут Россию в случае победы монструозного блока коммунистов со всем, что к ним льнет. **Никто** уже не сможет идуший разнос силами террора, принуждения и демагогии **надолго**. Если силы положительного перемонтажа Системы в нормальное общество не объединятся и не начнут немедленно (вместе с убежденным **ими, а не красно-черными**, народными толщами) этот перемонтаж, то не тоталитаризм угрожает России, а гибрид Югославии и Сомали на 1/6 земной суши. "Черно-красные" сгинут в

этом распаде вместе со всеми, как гибнет злокачественная опухоль, "победившая" организм своего хозяина (общества).

Формула успеха в истории и политике, да и в быту, такова: "хотеть – знать – мочь – успевать".

Четвертый элемент при не включении **всех положительных сил** в процесс приватизации земли и хозяйства будет убывать с такой же скоростью, как шагреневая кожа в одноименной повести Бальзака.

Что делать – известно из массы книг и документов, в том числе и из высказываний и **указов** Ельцина, давно. **Как** это практически сделать при нынешнем реальном раскладе политических сил в России и вокруг нее? **Как** реализовать элемент **мочь**?

Нам (более или менее) ясно одно: оставленный либерально-демократическими силами в иронико-скептической блокаде и в одиночестве, ни один политический деятель, как бы он ни хотел спасти положение, как хорошо ни представлял себе принципиальных (общих, абстрактных) путей к спасению, – всех четырех элементов формулы не осилит. Будь он хоть семи пядей во лбу и обладай самой чуткой совестью.

Может быть, всем порядочным людям надо перестать умыwać руки?

В.ПИРОЖКОВА

В РОССИЮ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА.

Когда я начала писать и печатать свои воспоминания детства и юности, мне в голову не приходило, что вслед за тем номером, где будет напечатан последний отрывок, содержащий прощание с Ленинградом, пойдет номер с описанием встречи с Петербургом. Неисповедимы пути Господни!

Августовский путч и его поражение сделали возможной поездку в Россию. Диктатура компартии пала, и двери родины снова открылись. И все же сборы затянулись. Ровно полвека, как для меня закончилась советская власть, и 47 лет, как я, спешно уезжая из Пскова, сказала: "Псков, я вернусь". Не только последние годы – последние десятилетия я уже не надеялась, что смогу выполнить это обещание. Не уверена я в этом даже теперь. Намечены Москва и Санкт-Петербург, это непременно, но удастся ли добраться до Пскова и... следует ли сразу же, в первый раз? Не будет ли слишком велика эмоциональная нагрузка?

Намечена поездка весной и ранним летом 1992 г. Еще не все разъедутся на каникулы, но погода будет уже более или менее теплой, в Петербурге – белые ночи. Но сначала все не ладится. Обещанные из Москвы даже факсом приглашения не приходят. Из Социологического института Академии наук приходит при-

глашение на июль без всякого сопроводительного письма. Но в июле ехать не стоит, жара, Москва будет пустой. Из Петербурга от личных знакомых тоже все затягивается, хотя я их и просила начать заранее.

И вдруг приходит сразу все: факс из Москвы, который Российско-американский Университет загнал по неопытности сначала в какую-то другую страну, перепутав код Германии, и запоздавшее приглашение из Петербурга. Визу дают через несколько дней, но ее можно получить даже через 40 минут, она тогда будет стоить вдвойне. Когда я подхожу к консульству, там как раз меняют вывеску – вместо советского консульства оно теперь называется консульством Российской Федерации. Запоздавшая перемена вывески символична: также и внутри страны: названия улиц, печати, бланки – все еще перемешано, отчасти старое, советское, отчасти уже новое, российское. На вопрос, отчего в Москве Тверская – уже Тверская, а ее продолжение – Питерская – еще Ленинградский проспект, мне отвечают, что нет времени и денег на то, чтобы на всех улицах сразу переменить вывески. Но я забегая вперед.

Милой барышне в туристическом бюро я совсем закружила голову, меняя из-за запо-

здавших приглашений по несколько раз день отлета и место назначения. Наконец, все ясно: 23-го мая я лечу в Москву. Одновременно со мной летит еще одна эмигрантка из Мюнхена. Немецкая Люфтганза, которую так хвалят за точность, опаздывает на два часа. Конечно, мы волнуемся, особенно я: я ведь лечу первый раз, моя знакомая уже раз была в Москве. Наконец, подают совсем новенький самолет, и мы усаживаемся. Полет проходит быстро. И вот мы в Москве.

При проверке паспортов и виз совсем молоденький паренек долго на меня смотрит: в визе написана моя фамилия без "а", как в немецком паспорте. Я: "Ну, что, посмотрели?" Он краснеет: "А сколько лет вы уже там живете? Я: "50". Он: "О-о-о-о, я столько на свете еще не жил". Моя спутница, смеясь: "Это и видно". Я: "А по-русски говорить не разучилась". Он с убеждением: "Это хорошо".

Усталые, мы сначала идем не к той ленте с багажом, там тоже стоит "Мюнхен", но не наш номер полета, и ждем лишнее время. Наконец, моя спутница находит нужную ленту, но там багаж уже прошел, и наш составлен просто в уголок.

Кто говорит, что в Москве все крадут? Никем не охраняемый, наш багаж стоял, и никто его не взял. Таможенной проверки нет никакой, и мы быстро выходим к ожидающим. Зоя Александровна Крахмальникова, пригласившая меня остановиться у нее, и распространитель нашего журнала в Москве Владимир Михайлович Карасик меня заждались. Принесенные им московские ландыши совсем завяли. Надо же было Люфтганзе так подкачать!

Москва

Это – незнакомый для меня город. До войны я была в Москве только два раза, каждый раз 4 дня, последний раз в 1938 г., когда вся Москва была в развалинах: взрывали и уничтожали старую Москву, в том числе многие памятники культуры и старины. У меня осталось тогда тяжелое впечатление от Москвы. Какая же Москва теперь? Обшарпанная. Странно, но столица произвела на меня наиболее обшарпанное впечатление, хотя кое-где уже идет реставрация. Но Москва – живой город. Вот небольшие частные банки, до чего же обшарпаны фасады, двери, кажется, держатся на честном слове, но внутри хотя и тесно, но обычные банковские окошечки, совсем "как у людей". Банки бросились особенно в глаза, т.к. на Западе это обычно довольно роскошные здания и контраст велик. Но разве в этом суть? Российские банкиры уже успели сделать изумительную вещь. 23 мая я прилетела в Москву, а 24 было освящение памятника Кириллу

и Мефодию от "благодарной России", как гласит надпись. Деньги пожертвовали преимущественно Российский банк и предприниматели. И невольно подумалось, что первосвященникам славянским пришлось ждать тысячу лет памятника от благодарной России, и поставили его – причем весьма красивый – те самые российские новые банкиры и предприниматели, которых еще недавно один эмигрант в письме ко мне назвал "дикими". Может, они и не такие уж дикие? Человек второй эмиграции, он все еще привержен социализму. Ясно, ему хочется создать себе образ "диких" российских предпринимателей. Нельзя ли все же быть объективней? Мы не отрицаем, что "диких" и спекулянтов достаточно, но есть и другие.

Памятник сделан очень удачно. Он стоит на бывшей пл. Ногина, теперь Славянской. Это в центре. Недалеко от него осиротевший цоколь памятника Дзержинскому, где по решению городских властей будет водружен крест в память всех умученных тем учреждением, первым хозяином которого был тот, чей памятник теперь низвергнут. И здесь переименования, нет больше пл. Дзержинского, она снова называется Лубянской. Название звучит тоже злое, но что поделаешь? Это старое название. Ведь и Красная площадь останется Красной (т.е. Красивой), так она называлась еще при Иоанне Грозном. Идешь мимо мрачного здания центрального КГБ. Оно и сейчас существует. Теперь оно перестало быть опасным – пока? Будем надеяться, что навсегда.

И мавзолей Ленина на Красной площади еще стоит, и караул вокруг него печатает шаг. Надо бы все это убрать... И все же, каким маленьким и жалким представляется этот саркофаг 20-го века среди гуляющей толпы, среди различных плакатов и просто профанной рекламы товаров. Кажется, что даже по размерам он съезжился и сам старается умалиться.

Мы заходим в Кремль. Для современных москвичей ничего удивительного: Кремль для посетителей открыл еще Хрущев. Но когда я была в Москве, к Кремлевской стене нельзя было близко подойти, это было бы буквально жизненно опасно. Помню из времени войны, как какой-то старый эмигрант из Парижа написал москвичу, попавшему во время войны в Ригу, что он понимает страдания подсоветских людей, но, писал он, "Вы были на родине, вы могли положить руку на священную стену Кремля". Москвич ответил: "Не пробовал, т.к. если б я решил покончить жизнь самоубийством, то нашел бы более легкий способ". Нет, этот эмигрант ничего не понимал. Не понимают и многие молодые русские теперь. Даже ангажированная антикоммунистическая журналистка, бравшая у меня интервью для российского телевидения, удивляется. "Я не знала, что в сталинское время даже к стене Кре-

мля нельзя было подойти“, – говорит она.

Вот Иван Великий, Благовещенский собор, терем Ивана Грозного. Меня охватывает атмосфера старой Московской Руси, которая не покидает меня полностью во все мое пребывание в Москве. В прошлом всеми фибрами моей души петербуржка, сторонница европейской России, я начинаю понимать очарование старой Москвы, поскольку она еще сохранилась. Мы заходим в Успенский собор, где теперь иногда совершаются богослужения. Какой же он маленький! Но и какой расписанный, даже все колонны расписаны. И в этом старинном соборе мы встречаем первую коммунистку. Разве трудно встретить в Москве коммунистов?! Нет, конечно, особенно легко увидеть тех, которые демонстрируют под красным флагом, но на улицах, в автобусах и трамваях их не слышно. Кому ни скажешь, что я через полвека впервые приехала в Россию, все реагируют сначала изумленно, особенно из-за хорошего русского языка, а потом приветливо и радостно: как хорошо, что это теперь уже можно. Я ни разу не слышала упрека, что мы ушли во время войны с немцами. Однажды меня спросили, как нам это удалось, и когда я сказала, что немецкие военные давали беженцам грузовики, полное удивление: как, во время отступления еще помогать беженцам? И неожиданный вывод: хорошие люди. Коммунистка в Успенском соборе не злобна – в противоположность ее единомышленникам под красными флагами или продающим газеты “Народная правда” и “День”, те крайне злобны. А эта начинает с рассказа об окрестных церквях, о той, где венчался Пушкин, а затем, без перехода, к великому изумлению моего спутника, заявляет, что она – коммунистка и ничему не верит, не верит, что были массовые аресты, не верит, что были ужасы коллективизации. Она уже немолодая, видимо, дочь заядлых коммунистов, весь ее аргумент: “Мама говорила, что при кулаках была самая плохая жизнь, а коллективизация помогла нам выиграть войну”. В ее голове каша, ее не расхлебашь в несколько минут разговора, но кончатся она примирительно: “Извините, если что не так сказала, всего вам хорошего”.

Сколько разъяснительной работы надо еще вести в нашем народе!

Брожу и езжу по Москве. Вот памятник Пушкину, где прежде диссиденты читали свои стихи. Сегодня там демонстрируют женщины против дедовщины в армии, развешены фотографии молодых солдат, забитых насмерть, не погибших в бою, а в мирное время убитых своими старшинами. Это явление – тоже порождение коммунистической диктатуры, и от него сразу не избавишься. Требование женщин сменить чуть не всех офицеров невыполнимо. Нельзя оставить армию без офицеров, не го-

воря о том, что не все же из них дурные. И саму армию нельзя сразу резко сократить: куда деть уволенных в отставку? И здесь все надо делать постепенно, шаг за шагом. Трудно держать страну в равновесии. Но какое счастье, что армия спокойна и что в России не случилось того, что случилось в Югославии, где армия пошла завоевывать себе позицию и доказывать силой оружия, что она имеет значение. А результат – десятки тысяч убитых и искалеченных гражданских лиц, детей, женщин, стариков и десятки разрушенных городов, невосстановимые потери для мировой культуры. В России мало об этом знают, сообщения очень редкие и скудные, но в Германии, где уже больше 200000 беженцев – хорватов и особенно босняков, где телевидение полно жутких картин, потрясение югославскими событиями много больше, и я могу только радоваться, что здесь нет ничего подобного.

Сейчас (май-июнь 1992 г.) в России голода нет. Мне говорят, что зимой снабжение было много хуже, стояли длинные очереди на улице, на холоде. Сейчас очередей нет. Магазины, конечно, довольно жалкие, но в них только небольшие очереди внутри магазина. Цены высоки, и, несмотря на сильное повышение зарплат и десятикратное повышение пенсии, многое для обычных граждан и, особенно, для одиноких пенсионеров недоступно. Судя по семьям, где я бываю, трудно со свежей зеленью и фруктами – мне говорят, что в августе будет лучше, когда поспеют свои, а сейчас еще больше привозные, с юга, и с мясом. Молочные продукты относительно доступны. Но свежую зелень продают везде, на остановках метро – особенно мне это бросилось в глаза в Петербурге, но об этом позже. Сейчас, когда я пишу эти строки, инфляция еще выросла. Но да простят мне те, кто сейчас от этой инфляции страдают, я невольно вспоминаю послереволюционные записки моего отца: бутылка молока – 2 миллиарда рублей. Дай Бог, чтобы теперешняя инфляция, которой далеко еще до этого, такого предела не достигла. Некоторые улицы Москвы застроены ларьками, где торгуют всем. Многих это возмущает, портят вид города. Но они и так не везде разрешены. Говорю откровенно, я более толерантна: во всем этом жизнь, так же, как и в продающихся в проходах метро газетах, журналах и книгах. Хуже было, когда мы в молчаливой сумрачной очереди тихо продвигались за единственной неизбежной “Правдой”, в которой не содержалось никакой правды, но которой все же на всех не хватало. Есть в переходах метро и нищие, так же, как и, конечно, у входа в церкви. Но меня предупреждают: “Сначала принохайтесь, от многих за версту несет винным паромом”. Что делать, и в мюнхенских пешеходных зонах есть нищие, и от иных тоже несет

порой пивным перегаром.

Общественные средства передвижения в общем хорошие, метро, автобусы, трамваи. Они полны, т.к. в России, конечно, много меньше частных машин, чем на Западе. Метро очень глубоко, особенно в Петербурге, а эскалаторы двигаются так быстро, что я сначала теряюсь, но скоро привыкаю. В Мюнхене они ездят для безопасности черепашным шагом, но в России такая скорость не справилась бы с потоком пассажиров. В метро и автобусах молодые люди встают и уступают место старым. Мне всегда уступают место. Это меня потрясает. В Мюнхене невозможно себе такое представить, хорошо только, что обычно автобусы ездят полупустыми, но если вагон полон, то никто из молодежи места не уступит. Не то воспитание. Это мелочи жизни, но как раз мелочи составляют атмосферу. В метро голос из громкоговорителя трогательно предупреждает уважаемых пассажиров осторожно переходить улицу, не рисковать жизнью. И этого на Западе себе не представляешь. Но зато есть другие отрицательные черты: шоферы не столь многочисленных, большей частью старых машин мало обращают внимания на пешеходов и даже не останавливаются перед зебровой полосой. Здесь, на Западе, лучше, шоферы соблюдают правила. В иных машинах, в которых мне пришлось ездить, внутри воняет бензином, начинает тошнить, многие машины на Западе ни за что не прошли бы технического контроля, но мне говорят, что здесь помогает взятка. Но ездят русские в общем умело. На окраине асфальт на некоторых улицах так разворочен, что на иных участках приходится пользоваться для движения только одной стороной улицы, что возможно лишь благодаря весьма малому движению.

Во всю свою поездку я не столкнулась с озлобленными житейскими недостатками людьми, наоборот, даже в очередях атмосфера была дружелюбная. Вообще, я сталкивалась чаще с грубостью здесь, где у людей в материальном отношении все есть, чем в России. Но я не могу обобщать своих собственных впечатлений. Я сама приехала с открытой душой и старалась идти навстречу людям, и обычно встречала приветливое отношение.

Церкви в России полны. Меня порадовало, что каждое воскресенье немало причастников. За границей я видела другую картину. Помню, как тяжело поразило меня в православном соборе в Сан-Франциско, что перед выносом Чаши почти все молящиеся вышли в притвор поболтать. Священник вышел с Дарам и сказал в пустую церковь: "Со страхом Божиим и верою приступите". Никто не приступил, и он унес Дары. Тогда болтавшие начали возвращаться в церковь, чтобы выслушать проповедь. Нет, в России причащаются. Пе-

ред тем в каком-нибудь углу церкви проводит-ся общая исповедь, индивидуальные исповеди заняли бы слишком много времени, не хватает священников, а без исповеди нельзя идти к причастию. Но не становится ли такая исповедь формальностью? Не правильнее было бы разрешить несколько недель причащаться без предварительной исповеди перед каждым причащением, если человек не чувствует за собой смертного греха? Но не наше дело давать в этом вопросе советы. Во всяком случае, хорошо, что есть немало причастников.

Выстоять всю длинную службу трудно, а скамеек очень мало. В Москве дают место на скамейке, сменяя друг друга, но на скамейках шепот, разговоры, служба длинная, церковнославянский язык в пении не всем понятен. Впрочем, "Отче наш" поет вся церковь, и это тоже хорошо.

До чего же старинны церкви в Москве. Со знакомым молодым священником мы едем в Данилов монастырь. И это все такое старорусское, а также церкви, на которые успеваешь только взглянуть из окна трамвая. Жаль, что нет больше времени, но я в Москве только 10 дней, а так много надо еще сделать, со многими встретиться.

В Москве есть две католических церкви, в одной служба по восточному обряду, а в другой по западному, но на русском языке. С последним я сталкивалась в первый раз. Церковь полна, и в то время, как в православных церквях есть молящиеся всех возрастов, в католической западного обряда на 90% молодежь. Со мной в церковь заходит молодой сотрудник исторического факультета, где я перед тем была. Служба идет чинно, все принимают в ней участие, все полны внимания, но литургия короче, чем в восточном обряде. После службы мой спутник говорит мне, что этот обряд понятнее и доходчивее для современного молодого человека. Эти слова заставляют меня задуматься. Я считала и считаю неправильным, что Рим не содействует установлению католических приходов восточного обряда в России: должна быть полная религиозная свобода. До сих пор я думала, что западный обряд на русском языке – это жалкий эрзац вместо восточного обряда, но большое количество молодежи в этой церкви и слова моего молодого спутника показывают мне, что западный обряд идет навстречу какой-то части ищущей христианства молодежи нашего так долго угнетавшегося богоборческой властью народа. Пусть бы было и то и другое наряду со многими православными церквями. Пусть каждый ищет ту форму, которая говорит ему больше всего. И тут, и там люди находят Спасителя, тянутся к Нему.

У меня с Россией уже несколько лет имеются контакты. Были личные встречи на между-

народных конгрессах, кое-кто приезжал в Мюнхен, с другими была только переписка в связи с журналом. Поэтому у меня есть ряд приглашений. Вот приглашение участвовать в круглом столе "Вестника Академии наук" по Петру Струве. До боковой пыльной улочки доезжаю на автобусе, но там около дома меня ждут, а то я бы заблудилась в лабиринтах входа. И это место для заседания журнала Академии наук? Обшарпанные лестницы, коридоры, какие-то трубы, через которые надо шагать. Внутри тесно. Но какой оживленный дух, какой настоящий интерес к мыслям Струве, какое желание заново осмыслить происшедшее с Россией. Как мог бы пойти путь развития, если б победили идеи Струве, а не Ленина, есть ли в этих идеях что-либо подходящее к нашему времени... Мне вспоминались прекрасные залы, мягкие кресла и... скука на заседаниях в иных немецких университетах.

В Независимой библиотеке есть "Голос Зарубежья", просят прислать недостающие номера. Завязывается беседа. Молодая, элегантно одетая и упитанная женщина жалуется. Жалоб немало вообще, но исходят они большей частью от людей, которые в тот момент большой нужды не терпят. Вообще, будучи в России, я не видела тяжелой нужды. Я оговорила это время, т.к. положение меняется быстро, и я не могу свидетельствовать о том времени, когда выйдет в свет этот журнал. Но и тогда за границей рассказывали ужасы, которых в России на самом деле не было. Однако бросается в глаза склонность к нытью. Впрочем, это свойство всех, кто долго жил под коммунизмом. Также и в бывшей ГДР люди постоянно ноют и жалуются. У людей за десятилетия диктатуры отмерла инициатива. Многие ждут, что им все даст государство, пусть мало, пусть скупо, но все будет дано сверху, а самим не надо ничего предпринимать. Теперь же вдруг требуется собственная инициатива. И это очень трудно. Жалобы большей частью обусловлены не объективными условиями, а психической настроенностью. Это не значит, что объективных трудностей нет, конечно, они есть, хотя и не в таком размере, как мне приходилось слышать до отъезда. Мы в свое время переживали не такие трудности и не ныли так, как ноют теперь зачастую сравнительно хорошо устроенные люди. Но и психику свою невозможно перестроить с сегодня на завтра.

Молодой даме возражает другой собеседник. Он говорит, что он достаточно отсидел и теперь прежде всего счастлив тем, что не надо бояться никаких новых репрессий.

Под конец все перекрывает русское гостеприимство, организуется импровизированный ужин и чаепитие, возникает хорошая товарищеская атмосфера.

Одна из наиболее интересных встреч про-

исходит в Социологическом институте. Пусть сотрудники этого института, которые так приветливо принимали меня, не обижаются, что в этих обзорных и очень личных воспоминаниях моей поездки на родину после полувековой разлуки я не буду упоминать ни их имен, ни тем их работ. Я надеюсь сохранить контакт с ними и потом вернуться к исследовательским темам, назвать имена и труды. Пока же я хочу лишь указать на живой дух, интересную беседу, живой интерес к прежним русским и иностранным мыслителям. Если первый разговор посвящен взаимному знакомству и моим рассказам о себе, то во втором в беседе были затронуты особенно два мыслителя. Вторая встреча происходит в мой второй приезд в Москву, уже за три дня перед отлетом: я ведь должна была лететь обратно в Мюнхен из Москвы. Меня на первой встрече просили об этой второй, и она состоялась. Я немного опоздала и попала как раз на обсуждение диссертации об Ортега-и-Гассет. А после беседы об этом мыслителе вышло так, что заговорили о Константине Леонтьеве, и мне почти что пришлось прочесть о нем импровизированную лекцию.

Еще в Мюнхене я получила письмо от Аллы Ярошинской* из министерства печати и информации, отзыв на присланный номер "Голоса Зарубежья", письмо очень личное и милое. Приехав в Москву, я ей позвонила, но, увы, мне сказали, что она дома и больна гриппом. Тем не менее ей передали о моем звонке, и она позвонила мне сначала из дома, а потом, вернувшись на работу, из министерства. Мы встретились. Имя Аллы Ярошинской известно в связи с Чернобылем. Об ее книге "Чернобыль с нами" мы еще будем писать. Беспартийная журналистка начала после чернобыльской катастрофы в те времена, казалось, безнадёжную борьбу за людей, которых партийные боссы оставили в облученных местностях. Теперь этот мужественный человек, никогда не прикоснувшийся к компартии, работает в министерстве. Это та смена, на которую Россия может возлагать надежды.

Долгой беседа быть не может, Аллу Александровну рвут на части. Она вдруг предлагает мне интервью по российскому телевидению. Я соглашаюсь. В конституционном суде идет процесс. Почему-то многие считают, что судят компартию. Так, Подрабинек на страницах "Русской Мысли" расплакался о бедной компартии, которую судят. На самом деле это компартия подала в суд на президента Ельцина за то, что он ее запретил. Сотрудники президента подали тогда встречный иск на ком-

*В октябре 1992 г. А.Ярошинской и ее американскому коллеге была присуждена альтернативная Нобелевская премия за исследование чернобыльской катастрофы и ее последствий.

партию за все ее преступления. Молодая журналистка собирает показания против компартии, спрашивает тех, кого она интервьюирует, в чем этот человек лично от себя обвиняет компартию. В день моего отъезда из Москвы состоялось интервью. Под конец его я говорю и о выдачах из США в СССР в первые годы диктатуры Горбачева.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Но вот я в скором поезде Москва-Петербург. Погода стала под конец моего пребывания в Москве теплой, купе полно, душно. Окна почти во всех купе не открываются, а охлаждающая система не работает. Иногда приходится выходить в коридор, стоять там у окна и охлаждаться. Сколько я стояла в русских поездах у окна, когда была подростком, не потому, что окна не открывались и было жарко, а потому что на длинных линиях Москва-Минеральные Воды или Москва-Владикавказ было утомительно и скучно все время сидеть. Когда в купе узнают, что я полвека не была в России, молодой человек уступает мне место у окна, а милая женщина рядом со мной охает и, не зная как реагировать, достает из сумки яблоко и протягивает мне: "Покушайте яблочка", затем начинает доставать другие припасы, помидоры, яйца, хлеб и все это раскладывает передо мной. Я не голодна, но невозможно отказать от всего. В свою очередь угощаю ее бутербродами с колбасой и сыром, которые мне дали на дорогу.

Мы едем среди лесов, полей, кустарников. Иногда попадаются дачные поселки. Это нововость, этих домиков на курьих ножках (такими они кажутся, эти маленькие, на вид совсем легкие домишки) прежде не было. Но повреждений деревьев почти не видно, не больше, чем в Западной Германии, никакого сравнения, скажем, с Богемским лесом в Чехии, почти совсем уничтоженным непрофильтрованными отходами из фабричных труб.

Поезд идет только 6 часов, но мы выехали под вечер, так что приезжаем поздно. Меня встречают. Организована машина. Мне говорят: мы поедем по Невскому. Но от волнения и от неверного света уже почти белой ночи я не сразу замечаю, что мы уже въехали на Невский. Вдруг передо мной в сером полусвете возникает такой знакомый шар. Неужели Дом книги? Да, это он. А вот налево уже Казанский собор. Дальше арка, Сенатская площадь, Александровская колонна, Зимний дворец, впереди Невы, мост, Ростральные колонны, Фондовая биржа... "Вот ваш университет", – говорит моя спутница. Да, вот, длинное красное здание бывших петровских коллегий. Для меня объезжают университет кругом, а затем путь

идет в новый район, называющийся Приморским, где я буду жить это время у знакомых.

Этот район построен неплохо, он озеленен, там, где останавливаюсь я, деревья еще молодые, т.к. эта часть застроена не так давно. И хотя в миниатюрных квартирах есть все, также холодная и горячая вода, новые дома уже слегка обшарпаны. Повсюду особенно нехороши входы. Но это в общем хороший район. Почти сразу мне бросается в глаза большое количество собак с их хозяевами, причем собак больших и ухаживаемых. До моей поездки мне говорили, что по Москве бегают стаи выброшенных, бездомных собак, т.к. людям их нечем кормить. Я не видела ни одной бездомной собаки, а не только стаи, но, конечно, я видела не все. Здесь же я даже спрашиваю о собаках, мне отвечают, что люди опасаются грабежей, а потому заводят собак. Но, очевидно, их есть чем кормить. Вблизи лесок, тоже из молодых деревьев, но с невыносимым количеством комаров, а дальше искусственное озеро, где дети купаются. Здесь можно было бы устроить прекрасное место. Если оно перейдет к каким-нибудь частным компаниям, то так и будет.

Меня приглашают люди, которым позвонили мои знакомые из Москвы. Я беру такси, и мы едем через центр. Вот Исаакиевский собор, вот Медный всадник, а я все еще как во сне: я так часто ездила во сне в свой любимый город, но ведь теперь это не сон. У пригласивших меня я встречаю немолодого человека, попавшего в руки советских властей во время войны. Он вырос в эмигрантской семье, поехал на оккупированную немцами территорию и не успел бежать при наступлении советской армии. 10 лет он отсидел в концлагере, в настоящее время живет в Пскове, но часто ездит в Петербург. Он мог бы вернуться теперь в Западную Европу, но он любит Россию и не собирается ее покидать. На обратном пути мы едем с ним на Невский, и в том же призрачном свете белой ночи я смотрю снова на Казанский собор, и вдруг в этот момент впервые ясно чувствую, что я в Петербурге наяву, что чудо произошло, что я не ушла в вечность, не побывав в России, не побывав в своем любимом городе, увидеть который я уже не надеялась. "На Казанском соборе еще нет креста", – обращает мое внимание на голый шпиль мой спутник. Да, нет еще, но будет. Я иду к метро, к остановке Гостиный двор. С этого вечера я уже окончательно в Петербурге.

Метро здесь хорошее, направления и остановки очень ясно обозначены: на стенке напротив остановки крупными буквами написаны все станции этой линии, так что запутаться нельзя. Вспоминаю мюнхенское метро, где все время приходится путаться, т.к. ясно обозначено только название данной станции и конеч-

ная остановка, и если не знаешь на память промежуточных, то приходится расспрашивать других пассажиров. Иностранцу очень трудно разобраться, да и иногороднему немцу. В Петербурге все очень ясно и точно.

Мои дни в Петербурге посвящены преимущественно городу. Сначала мы идем бродить по городу с молодой новой знакомой. Она говорит: "Хотите посмотреть место, где "памятники" тусуются?" "Тусоваться" – это новоречь, означает собираться, крутиться. Это место около Гостиного двора, который отгорожен досками для ремонта, хотя и незаметно, что ремонт производится. Там стоит стол, на котором продаются газеты, преимущественно "Народная правда", некоммунистическая газета, и прохановский "День". Продает их женщина лет 50 с фанатичным злым лицом, около нее стоит громадный парень с бритой головой, типа громилы, развешены разные плакаты, толпится группа людей, человек 10. Проходя мимо, я бросаю, взглянув на газету: "Народная кривда", щеки женщины со злым лицом вспыхивают лихорадочным румянцем, а моя спутница тащит меня подальше: "Не задевайте, они бросаются с кулаками". Из того места, где я живу, я всегда должна выходить на станции метро "Гостиный двор", так что каждый раз, когда еду в город, вижу это место. Каждый раз все та же злая женщина, все тот же громилы, да и другие лица уже примелькались. Ни разу не пришлось увидеть, чтобы кто-нибудь купил газету или подписался под требованием референдума по вопросу свержения президента.

Мы же идём дальше, к Екатерининскому скверу, где сидим на солнышке. Погода в Петербурге во все время моего пребывания хорошая, теплая, солнечная с ясными белыми ночами. Город как будто встречает с улыбкой. Перед самым моим приездом был народный праздник, посвященный историческим воспоминаниям. Среди толпы народа гулял высокий человек, одетый Петром Великим. Это уже не город Ленина. Это снова город Петра.

Теперь возвращаемся по Невскому в обратную сторону. Сенатская площадь, продуваемая ветром с моря, – направляемся к Исаакиевскому собору. В воскресенье там уже совершаются богослужения, в будний день его можно осматривать за плату. И о праве продавать билеты спорят церковь и город, каждый хочет заработать на прекрасном соборе. Как он все же красив внутри и находится в хорошем состоянии. Маятник Фуко удален, как мне говорят, совсем недавно.

Я устала, и мы хотим взять у "Астории" такси, но они едут только за валюту, а у меня с собой нет. В Москве легко можно было подхватить частника с машиной, готового подвезти за ту цену, которую платят и такси. Больше

они не требовали, и одна женщина очень благодарилась, когда я заплатила ей больше. По дороге она горько жаловалась на свою личную тяжелую судьбу: муж горький пьяница, пропивает все, что зарабатывает, а сына должна тянуть она одна. В Петербурге, более избалованном иностранцами, таксисты часто требуют валюту, а я не хочу таскать ее с собой. Зато средства общественного сообщения в Петербурге лучше, особенно метро.

Потом я брожу одна. Мне это нужно. Снова и снова Невский, вот художники, им можно тут же заказать портрет. У Казанского собора две небольших площадки, на которых могут покаяться дети. Некоторых это шокирует, а меня нет. Это жизнь. Или лучше было, когда по Невскому шли люди с угрюмыми лицами, боявшиеся своей тени? Вот продают горячие пирожки, надо попробовать, какие они теперь. Как часто в студенческое время, пробегаю по Невскому, мы перехватывали горячий пирожок. Да, они такой же выпечки, как и в наше студенческое время, и начинка та же, с капустой, с мясом, с морковкой и яйцами. Продаю на Невском и бананы, этот статус всех живших под коммунизмом. Почему они все гонятся именно за бананами? Непонятно. Я сама попробовала банан первый раз, когда мне было 19 лет, и он мне не очень понравился. Я и сейчас покупаю бананы только для своих знакомых. Для них они, конечно, слишком дороги. Мне говорят, что Невский стал грязнее, чем...? Прошло столько десятилетий, разговаривающие со мной не помнят "моего" Невского, а времен, с какими они сравнивают, не знаю я. Но Зимний дворец в "мое" время был красивым и уже достаточно облупившимся, а теперь он уже давно восстановлен в его первоначальной очень красивой синева-зеленоватой краске и, видимо, часто обновлялся, он сияет. А на Невском вот опять Дом книги. Захожу в него, и в памяти встает мое посещение Дома книги больше, чем 50 лет тому назад. Магазин был пуст. В отделе иностранной литературы уныло смотрели с полок брошюры Маркса, Энгельса на их родном языке, Ленина в различных переводах и неизбежный роман "Спартак" тоже на разных языках. Я уже хотела уходить, как в магазин вошел молодой человек и спросил: "А иностранная литература у вас есть?" "Да вот", – продавщица показала на полки. "Да какая же это иностранная литература? Это наша пропаганда на иностранных языках", – сказал молодой человек. Это было очень смело, хорошо, что магазин был пуст. Теперь в Доме книги много народа, оживление. На полках всевозможные книги разных мыслителей, о которых тогда и вспомнить нельзя было. Продаются разные журналы, к полкам с книгами и журналами не протолкаешься, так много интересующихся.

Вот Летний сад, Марсово поле, где цветет масса сирени, воздух напоен ее ароматом. С кем бы ни разговорилась на скамеечке, везде приветливое отношение, если я говорю, что полвека не была в России.

Вот канал Грибоедова, где прежде был хороший вегетарианский ресторан. Спас на Крови. Храм весь в лесах, говорят, уже много лет, а настоящая реставрация все еще заставляет себя ждать. Тем не менее снаружи храм сияет, а мне говорят, что еще не так давно он был тусклым. Я не раз подхожу к нему, смотрю, думаю о трагедии русской истории и молюсь, хотя бы снаружи, за новую Россию.

После стольких хождений проголодаешься, но как раз когда я хочу зайти в кафе – везде перерыв, между 3-мя и 4-мя. Выхожу снова на Невский и вижу небольшую толпу, ожидающую конца перерыва, жду и я. Внутри можно съесть довольно хороший винегрет, жареную курицу, белый хлеб, выпить кофе или жидкий компот. Хлеб и булки, кстати, в Петербурге очень вкусные. Но чай нет. В России нет чая! Что это значит? Это уже коммерческие кухмистерские: говорят, чай слишком дешев, его не хотят продавать. Я отвечаю, что в Германии чашка кофе и чашка чая стоят одинаково. "Вот, когда они об этом догадаются, тогда появится и чай", – отвечают мне. Немного в стороне от центра есть и государственные столовые, дешевые, блюда в них скромные, но съедобные.

В Петербурге сильнее, чем в Москве, бросаются в глаза лотки с зеленью и фруктами на каждой остановке автобусов. Конечно, цены довольно дорогие. В Приморский район завозят картофель на грузовиках и продают на улице, так же зелень и молоко. Но все это можно купить и в магазинах. Мне, откровенно говоря, не хватает опыта рассчитать, как цены соотносятся с зарплатой и пенсиями. Все это повышено, но одиноким пенсионерам, вероятно, трудно, так же как и многодетным или матерям-одиночкам.

Однако я отвлеклась снова. На Невском стоит автобус, и молодая женщина зазывает пассажиров проехаться по старому Петербургу. Я сажусь в автобус, не все же ходить пешком, я и так устала за эти дни зверски. Экскурсоводка объясняет все уже по-новому. Старая Россия не только не оплевывается, но, напротив, именно на все положительное в ней делается упор. С некоторым презрением она отзывается о знаменитой "Авроре", которая все еще стоит там, где стояла прежде. Интересно, стала эта девушка экскурсоводом недавно или была еще и до перенем и представляла город иначе, чем теперь? Что она думает сама в глубине души? Но не так важно, изменились ли и как изменились взгляды экскурсовода, как важно то, что общая духовная атмосфера изме-

нилась. Конечно, есть много просто приспособленцев, как это всегда было. Но приспособляются они уже к другому, к более положительному.

Едем со знакомыми к Смольному, к Таврическому. Все это вызывает такие смешанные чувства. Мы проезжаем по Смольному проспекту, где жила семья моей сестры. Никого из них уже нет в живых...

Но я все откладываю то, куда я на самом деле устремилась сразу и не раз: мой университет. Я долго стою на набережной. На вид Нева кажется все такой же, но говорят, что вода ее не чиста и купаться в ней уже не следует. Вот на той стороне маленькая лесенка к воде со львами. Она почему-то особенно ярко запечатлелась в памяти. Адмиралтейство. Все такое до боли знакомое и родное, все такое, как было. Что может измениться в вечном Петербурге, в его основном облике? Двери в университете кажутся более обветшалыми, также и лестница, но, может быть, только кажутся? Зато замощен двор, в котором раньше была непролазная грязь, даже посажены молодые деревья. Вот этот длинный коридор, и здесь все кажется постаревшим, паркет, даже бюсты. А может быть, это потому, что я постарела? Теперь учебный год уже подходит к концу, коридор почти пуст. Ходят по нему тени прошлого, тени моих подруг, товарищей по курсу? Нет, уже и теней нет. Все прошло. Математики теперь выселены из главного здания... Петергоф! В главном здании остались гуманитарии. В пустом коридоре вдруг появляется группа молодежи с их учительницей, которая показывает, в какой аудитории сейчас будут заниматься английским языком. Здесь обитают преимущественно филологи.

На Менделеевской линии расположена кафедра истории русской философии. Вместе с одним знакомым идем туда. Декан радуется и приглашает меня на заключительную встречу профессоров и ассистентов, где я могла бы рассказать о том или другом. Я, конечно, с радостью соглашаюсь. Разве не чудно в моей альма матер, где я в свое время не смела даже прочесть произведения английского позитивиста Юма, говорить теперь свободно о русском мышлении, о некоммунистическом, об антикоммунистическом русском мышлении. Меня больше всего спрашивают о моем покойном учителе Федоре Августовиче Степуне. Степун вообще в моде, о нем много говорят, им интересуются. Какая радость была бы это для Федора Августовича, доживи он до этого времени. Мне передают книжку о Константине Леонтьеве, и здесь им интересуются. Передают мне философский журнал "Ступени". Я могу туда написать. Так много можно теперь сделать и так мало уже осталось сил и времени. Идет разговор о возмож-

ной серии лекций в будущем. Как даст Господь. Это было бы хорошо. Меня спрашивают, знала ли я Н.Полторацкого, который так трагически умер в доме одного из профессоров, приехав еще в Ленинград, но в котором уже можно было говорить о русских мыслителях. Оказывается, Полторацкий был моего года рождения, я считала, что он был старше. После собеседования несколько человек и я идем в университетское кафе пить чай с булочками. Здесь есть чай!

На этот раз мне бросилось в глаза одно сумрачное лицо среди оживленно спрашивающих. Этот человек молчит. Мне потом говорят, что здесь, конечно, есть еще коммунисты, но они пока предпочитают не высказываться. Будем надеяться, что они постепенно сойдут со сцены, так и не начав вновь высказываться. Конечно, никто не мешает им отстаивать их коммунистические взгляды, но многие из них не будут этого делать, пока они в меньшинстве, во всяком случае, не будут говорить в том обществе, где не предполагают сочувствия. Иное дело на демонстрациях. В то время, как я нахожусь в Петербурге, происходит пикетирование Останкина. Русский собор под началом генерала КГБ Стерлигова, национал-коммунисты и просто коммунисты с красными знаменами, националисты и монархисты, подымающие Андреевский флаг рядом с красными знаменами. Какой позор! Этот союз монархистов с коммунистами был сначала для меня неожиданностью, я в этом признаюсь. Я и теперь никак не могу взять в толк, как это возможно, несмотря на то, что их связывает империя или иначе Советский Союз. Мне прежде казалось, что антикоммунизм и русский народ монархистам важнее, чем даже сохранение империи, тем более в виде Советского Союза. Оказалось, что наоборот. И это глубоко печально.

Вообще же из разговоров в Москве и Петербурге видно, что в умах большой разброд, чего и следовало ожидать. Мало знания политических структур. Мне приходилось уже об этом писать, когда я делала эти выводы из писем, которые мне писали, из иных газетных статей. Теперь то же самое выясняется в разговорах. Многие интеллигентные люди не понимают, что такое президентская демократия, а что такое парламентская демократия. Как функционируют демократические органы, неясно и многим из тех, кто в них участвует. Даже один профессор политологии сказал мне, что вот, мол, американский президент представляет партию, а кого представляет президент Ельцин? Я ответила ему: "Народ", и добавила: "Не скажите ненароком президенту Бушу, что он представляет лишь республиканскую партию, он вам глаза выцарапает, особенно теперь, перед выборами. Партия выдви-

гает того или иного кандидата, но избирает кандидата народ, и избранный президент представляет весь народ. Также и в июне 1991 года в России весь народ выбирал президента среди нескольких кандидатов, и избранный президент представляет весь народ".

Под конец моего пребывания в Петербурге демократы приглашают меня придти на собрание демократов. Я бы охотно пошла, но уже очень устала от всех впечатлений и чувствую, что для меня это будет много.

Мне говорят, что демократы намерены активизировать и подталкивать экономические реформы. Кроме того, они начнут собирать подписи для референдума о принятии новой конституции и решении вопроса о купле и продаже земли. Этот закон был предложен Верховному совету и им отвергнут. Застрявшая земельная реформа, в самом деле, одна из самых больших проблем. Конечно, это благие намерения, но я боюсь, что демократы снова не сумели за это активно взяться.

Критики правительства и президента много, но если задать провокационный вопрос: так что ж, надо свергать правительство и президента? – следует всегда испуганная реакция: "Боже сохрани! Сейчас нет другого лица, только Ельцин держит страну, иначе может быть хаос, гражданская война и невесть что". Горбачев, которого до сих пор так пестует Запад, ни в каких кругах не популярен. По разным причинам, но его не любят ни демократы, ни националисты, ни сторонники Ельцина, ни его противники, ни коммунисты, ни антикоммунисты. Демократы и антикоммунисты, сторонники реформы ставят ему в вину, что почти за 7 лет своей "перестройки" он так и не начал экономических реформ, да и демократии настоящей не ввел. Для национал-коммунистов и националистов Горбачев – тот, кто развалил Союз, хотя он этого и не хотел, тот, кто допустил запрет компартии, хотя он и этого не хотел. Я слышала, как один коммунист сказал: "Я бы расстрелял его собственными руками". Антикоммунисты и демократы не стали бы его расстреливать, но относятся они к нему крайне отрицательно.

Выступаю я и перед обществом петербургских немцев. На мой вопрос, говорить по-русски или по-немецки, они просят говорить по-русски. Но потом один из зала задает мне вопрос по-немецки, причем с таким плохим разговором, что я с трудом понимаю. Воспользовавшись этим, я перехожу на немецкий язык. Некоторое время они молчат, но потом раздаются взрыв негодования: мы ничего не понимаем, говорите по-русски. Какие они немцы?

И в Петербурге я посещаю богослужения. Особое впечатление производит Александров-Невская лавра. Здесь очень хорошо, торжественно. Встречаюсь и с русскими католиками.

Им обещают возвращение церкви св. Екатерины на Невском. Но они жалуются, что от Запада нет никакой помощи. Все католические организации помогают только церквям Московской патриархии, даже Библии или Евангелия присылают только им, оставляя русских католиков без малейшей поддержки. И сейчас служба идет не в приспособленном для этого зале, а в настоящей церкви, но она, собственно говоря, польская, хотя и эти поляки, как и петербургские немцы, уже не полностью владеют польским языком. И они обрусели.

Мне хочется побывать хоть в одном пригороде, в Царском Селе, Петергофе или Павловске, но сил хватает только на Стрелку, если я хочу еще съездить в свой родной город. А я хочу.

ПСКОВ

Мне устраивают ночевку в семье священника, об этом договорились через человека, имеющего телефон, т.к. у самого священника телефона нет. Это уже затруднения провинции – далеко не у всех телефоны. В мое время не было почти ни у кого, разве что у крупных начальников и врачей.

В кассе предварительной продажи билетов очередь. Но она спокойная, благожелательная, если можно так выразиться. Русские привыкли стоять в очередях, не возникает тех небольших агрессий, неизбежных на торопливом Западе. Можно и посидеть на скамеечке без опасения, что не пустят снова в то место, где человек стоял. Завязываются разговоры, молодая женщина рассказывает, что ездит к сестре в Литву, вероятно, здесь идет обмен товаров, даже трудно назвать это спекуляцией, т.к. дело идет только об улучшении материального положения семьи, а не каких-либо больших заработках. Кстати, есть кассы для иностранцев, во всяком случае для билетов в большие города, там очередей нет, на любой поезд можно получить место, но платить надо валютой и, конечно, цены для нас много выше. В русской кассе цены на железнодорожные билеты для нас ничтожны, но и для русских они пока приемлемы. Но на тот день, когда я хочу ехать, билетов уже нет, а на следующий есть как раз один билет. Почему так мало мест, становится ясно, когда узнаешь, что продается целая скамейка. Поезд идет дальше, но и на это небольшое расстояние от Петербурга до Пскова, около 6 часов езды, продается целая скамейка. Просторно, не так душно, как в поезде Москва-Петербург, на скамейке лежат матрацы, можно купить у проводника чистое постельное белье. Я рада, что можно ехать так удобно, т.к. уже сильно устала от всех впечатлений и хождений по любимому Петербургу.

Дорога, по которой я так часто ездила в детстве и молодости, – не сон ли это, снова ехать по этому пути? Вот Сиверская, Гатчина, вот уже Луга, половина пути, поезд подходит все ближе. Торошино. Почему деревянная станция такая маленькая и заросшая? Или она всегда была такой, только я ребенком не замечала? Мы здесь часто бывали на даче, здесь был начальник станции Масленников, любивший угощать собственного приготовления грибами, которого так жестоко невеста за что арестовали и где-то сгноили, как миллионы русских.

Но вот и сам Псков. О. Павел встречает меня сам, мы договорились, что я буду держать в руках журнал, в волнении я забываю его вынуть, но выходящих пассажиров мало, а встречающих тоже, и только один священник. Мы узнаем друг друга сразу. Старенькая, как обычно, пахнущая бензином машина, и мы едем по Кохановскому бульвару и поворачиваем мимо Летнего сада, как раз там, где начинается Крестынская улица, где мы жили. Теперь она называется ул. Льва Толстого, ну что же, этого названия менять не придется. Но Сергиевская, главная улица, после революции переименованная в Октябрьскую, повышена в чине и названа "Октябрьский проспект", и пока все еще так называется. В первый же вечер в доме священника знакомлюсь с очень милой молодой женщиной, которая долгое время жила с родителями в том же доме, где жили мы! Какая встреча! И я сразу же узнаю, что старый деревянный дом не только пережил войну, но и почти 50 лет после войны. Как солидно строили до революции. Его снесли весной прошлого года. Я только немного опоздала. Но что было делать? Поехать в Россию до свержения коммунистической диктатуры я бы не решилась, а она была свергнута лишь в августовском путче. Весной 1991 г. она еще господствовала. Но, может быть, и лучше, что дома нет. Нет, конечно, и садов, даже палисадников с сиренью. На том месте строится новый каменный дом, а рядом автомобильная стоянка. Все это знаки нового времени.

Я приехала в Псков накануне православной Троицы. Утром меня везут в собор на архиерейскую службу. Какой он все же красивый псковский собор! Его красоту внутри, его высокую алтарную стену я даже уже почти забыла. Это результат бесцерковной жизни при диктатуре коммунистов, десятилетиями длившееся ос-квернение собора, в котором был "музей атеизма" и бурного военного времени, в течение которого в соборе снова были богослужения, но я их редко посещала. Молящихся много и всех возрастов. Люди теперь тянутся к церкви. Но скамеечек почти нет. Невозможно отстоять на ногах всю длинную троичную службу, и я выхожу на некоторое время из со-

бора и сажусь на скамеечку внутри Детинца. Перед входом в собор тоже есть скамеечки, и там сидят люди, тоже, видимо, вышедшие из собора отдохнуть, но здесь, где сижу я, нет никого, тихо, солнечно, тепло. Я смотрю на сильно обмелевшую Великую и благодарю Бога за то, что Он дал мне возможность, хоть и на старости лет, посетить город моего детства и юности. Я счастлива, что в России нет больше коммунистической диктатуры и что в нее каждый может свободно приехать. Невольно думаю о многих эмигрантах, которые этому не рады. Я не ожидала такого явления, и сначала никак не могла его понять. "Но ведь они же тоже своего рода номенклатура", – сказала мне одна моя знакомая из эмиграции. И это верно. Как многие гордились своим неизменным противостоянием коммунистической диктатуре, – и что же, теперь им нечем больше будет гордиться? Теперь нет больше этой диктатуры? Они не могут с этим внутренне справиться и продолжают упорно убеждать других и себя, что ничего не изменилось. А если что и изменилось, то только к худшему. Им доставляет какое-то злобное удовольствие видеть в России все только в черных красках. Они не любят России. Они любят только себя, свою гордость или свою идеологию, и если она не осуществляется именно в таком виде, как тому или иному из них хотелось бы (а желания у всех разные), то им Россия не нужна. Конечно, есть и другие, слава Богу. Они Россию любят во всех ее трудностях, во всей сумятице переходного положения, во всех неурействах. Они видят эти трудности и неурейства, но видят и новое, видят и здоровые пробивающиеся ростки и, прежде всего, видят свободу. Я думаю о том, что будь я моложе, я вернулась бы в Россию совсем, несмотря на все трудности и неурейства быта, чтобы ей помогать, сколько хватит сил. Но освобождение пришло для нашего поколения поздно. Как хорошо, что не слишком поздно для того, чтобы посетить Россию и, если даст Бог, не один раз.

Возвращаюсь в собор на богослужение. Оно постепенно подходит к концу. И здесь немало причастников. Но как грубо обращаются молодые священники с прихожанами! Зачем это нужно?

После обеда иду по Пскову. Вот площадь жертв революции, где мы, школьники, демонстрировали. Какая она маленькая! А прежде казалась довольно большая, но за десятилетия столько навидано действительно огромных площадей мира. За ней холмик, с которого мы зимой катались на санках. Затем Летний сад. И он кажется маленьким, да в нем и осталась только одна аллея, остальное застроено детскими качелями и другими увеселениями для детей. И начало его, выходящее на главную улицу, изменено: площадка, а на ней памят-

ник Пушкину. Ну, против этого памятника не приходится возражать, тем более, что сделано хорошо: Пушкин с его верной няней. Подвечер тут играет музыка и танцуют пары. Через улицу Ботанический сад остался таким же, тенистый, полный гуляющих, матерей с маленькими детьми. На обратном пути смотрю на маленькие покосившиеся деревянные домики напротив площади Жертв революции: стоит ли еще тот, в котором я провела первые 5 лет своей жизни? И я не знаю, не помню, хотя видела его, конечно, и в более старшем возрасте. Как многое стерлось из памяти за полвека.

На другой день вместе с Таней, моей "соседкой" по дому на бывшей Крестьянской улице, мы идем на кладбище, где были похоронены мои бабушка и дедушка, рано умерший дядя, которого я никогда не видела, и маленький брат, тоже умерший до моего рождения. Сначала мне кто-то ошибочно сказал, что кладбище было уничтожено, но оно сохранилось. Мне и в голову не приходит, что сохранилась и могила. Но она есть. Это "только" могила, но для меня одно из самых сильных потрясений моей поездки. Мне кажется, что я ребенком стою у ограды с мамой. Ограда проржавела, внизу отпали куски, крестов нет, гранитные памятники покосились, но золоченые надписи сохранились прекрасно, добротная дореволюционная работа. Мне говорят, что кладбище почти 50 лет было заперто, и потому, вероятно, могилы сохранились. Теперь церковь при кладбище "работает", кладбище открыто, и мы видим свежие захоронения. Мне обещают подправить могилу, чтобы ее не уничтожили как заброшенную. Отчего ни одна из моих сестер, живших до 1979 г., не собралась съездить в Псков и присмотреть за могилой? Ведь это и их дедушка и бабушка и брат, которого они даже знали. Но, видимо, так текла советская жизнь. Немного дальше я нахожу могилу псковских знакомых с самым большим и шикарным памятником этого кладбища: на гранитном цоколе стоял большой ангел. Теперь ангела нет, и я не сразу замечаю цоколь, т.к. перед ним выросло большое дерево, видимо из случайных семян, само собой. А наша могила даже и не выглядит так уж запущенно: на ней растут ландыши, которые росли и раньше. Только ирисы пропали.

Мы заходим в церковь. Кончается служба Духова дня. Я подхожу поставить свечку, и на меня вдруг невеста за что накидывается какая-то старуха. Когда я ей не отвечаю, она удивленно смотрит и начинает просить прощения. Я и на это не отвечаю. Она провожает меня изумленными взглядами. Про этих старух много рассказывают в России, об их злобе, о том, как они особенно придираются к молодым, неумелым, ищущим церковь и не сразу знающим, как надо себя вести в ней, как эти

старухи отталкивают ищущую молодежь. Видимо, и между собой они привыкли браниться, и потому мое молчание эту старуху поражает. Я спрашиваю, не поговорить ли со священником насчет могилы, но мне не советуют: он мало симпатичный. К сожалению, я наблюдала сама таких в соборе. В обеих столицах священники более образованные и более вежливые. Но для поднятия духовного уровня общей массы священников нужны, вероятно, десятилетия.

Подвечер того же дня мы идем в центр города. Вот бывший кадетский корпус, в советское время и теперь еще Дом советов. Памятник Ленина все еще стоит на боковой улице, но перед фасадом на главную улицу сооружен памятник Кирову, которого прежде не было. Конечно, он уже стоит много лет, только 50 лет тому назад его не было. Центрального рынка больше нет, построены новые здания. На обратном пути мы сворачиваем к театру им. Пушкина. Он отремонтирован. Это тот театр, в который я бегала подростком смотреть театральную труппу из Петрозаводска, удивляясь, что они так хорошо играют.

Мы заходим в садик посидеть теплым вечером. И здесь появляются люди с их большими собаками, они с ними играют, и я сразу включаюсь. Собаки, как всегда, ластятся ко мне.

На другой день я уезжаю в два часа дня. 51 год тому назад я с тем же двухчасовым поездом намеревалась выехать в тот же город, называвшийся тогда еще Ленинград, и не поехала, услышав металлический голос Молотова, объявивший о начале войны. Утром иду еще раз на кладбище и по дороге смотрю на большие деревья той улицы, где я выросла, обаянные своей жизнью... войне. Незадолго до войны нашу улицу решили озеленить посадили молодые деревья. На другой день мальчишки их повыдергивали. Их посадили еще раз, их снова повыдергивали. Посадили в третий раз... и тут началась война. Никому уже не было дела до молодых деревьев. Немецкие танки повредили одно деревцо, но остальные остались и за три года оккупации окрепли. Теперь это высокие большие деревья.

В Пскове чувствуется близость границы. Приезжают люди, ездившие в Ивангород. Это напряженное место. Между Нарвой и Ивангородом теперь проходит граница, а еще недавно они были почти что слиты. В Нарве 93% населения русские, но город отошел к Эстонии. Хуже то, что есть среди эстонцев претензии и на Ивангород, до 1940 г. он принадлежал Эстонии. Существуют в Эстонии и претензии на Печоры с их знаменитым Псково-Печерским монастырем, и они до 1941 г. принадлежали Эстонии, назывались Петсери. Нельзя отрицать, что монастырь сохранился именно из-за этого обстоятельства, будь он на территории

СССР, его в сталинское довоенное время разогнали бы. В 1940 г. этого сделать не успели, а после войны переменялась церковная политика, и монастырь остался. Но в Печорах (месте рождения моей матери) всегда жили русские, и теперь эстонцам не стоило бы замахиваться на эти места. А в Ивангороде двойное напряжение: русские хотели бы вернуть себе Нарву, а эстонцы взять себе Ивангород. Люди оттуда приезжают возбужденные и говорят, что начинают понимать националистов, но тут же, к счастью, отмежевываются от национал-коммунистов и сотрудничающих с ними националистов.

Появляется только одна молодая женщина (кстати, не ездившая ни к каким границам), врач-психиатр, которая истерично кричит, что русские должны так же начать войну, как сербы. В бывшей Югославии из 20 миллионов населения почти три миллиона беженцев, десятки тысяч убитых, одних детей тысяча убитых и тридцать тысяч раненных, многие искалечены на всю жизнь. По всем экранам телевидения прошел 4-х месячный младенец с оторванной ножкой, беспомощно мотающий своей культяпкой. И это еще не конец. Отчислите соответствующие проценты от населения бывшего СССР – столько безысходного горя, столько убитых раненных, потерявших все беженцев хотела бы иметь эта молодая женщина-врач? У меня впечатления, что она не врач-психиатр, а пациентка врача-психиатра. Я встречаю за всю свою поездку только одного человека с такими желаниями, но знаю, что есть и такие. К счастью, их немного, даже среди военных.

Обратно я еду в купе со старой матерью, дочерью и прелестной внучкой лет 10. Мать прервала свое пребывание на даче и едет на Украину, получив телеграмму, что ее живущий там сын, смертельно болен. Она глубоко встревожена, но держится спокойно. С девочкой, чтоб провести время, я начинаю вспоминать стихи, которые она учила. Она с удовольствием декламирует басни Крылова, пушкинское "Буря мглою небо кроет", если она запинается, я подсказываю, все это еще помнится с детства. Господи, неужели я полвека не была в России?

В последние дни в Петербурге я встречаю своего племянника, сына брата. Мы его нашли через адресный стол, но он живет не в Петербурге, а в карельской провинции, среди леса, недалеко от озера, как посоветовал ему врач. Мы встречаемся в Петербурге в квартире его сына, моряка, находящегося теперь в плавании. Он рассказывает мне, как страшно в блокаду умерла от голода его мать, первая жена моего брата, певица, такая прелестная женщина, которую я очень любила. Страшно тяжело слушать. Русский народ пережил много страшного и сейчас, конечно, далеко не самое

тяжелое время, которое ему пришлось переживать. Теперь есть свобода, есть возможность проявлять инициативу, и это самое главное. Но, как уже упоминалось, за 74 года коммунистической диктатуры люди отвыкли от собственной инициативы. Они хотят, чтобы им все дали сверху, а в управлении, конечно, тоже много все тех же людей, которые в свою очередь считают, что они должны всем распоряжаться и все регламентировать сверху. Личная инициатива пробивается повсюду, но с трудом, медленно – то ее нет у самих людей, то, там, где она есть, местное начальство ставит ей препятствия и старается удушить. Тем не менее я верю в Россию. Демонстранты под красными флагами не смогут повернуть ее назад, но могут нанести ей еще много вреда.

От племянника в Петербурге я узнаю, что другой мой племянник, которого я предполагала тоже в Петербурге, уже 30 лет живет в Москве, потому его адреса не было в адресном столе Петербурга. А я была в Москве 10 дней и не знала об этом. Но последние три дня, которые я проведу в Москве перед отлетом, будут посвящены встрече.

Снова я в поезде, теперь Петербург-Москва, на этот раз это не такой скоростной поезд и идет не 6, а 8 часов. Называется он "Юность" и очень удобен, кресла как в самолете. Снова молодой человек пускает меня к окну и приветливо старается создать мне больше удобства. В России молодежь более вежливая и приветливая, чем в Германии. Тут она очень разболталась, часто грубит без причины или в лучшем случае равнодушна. В вагоне нет купе, а поэтому, к счастью, не душно. Мой сосед рассказывает мне, что едет в Казахстан, где живут его родители и сестра. Он был в Петербурге на временной работе. Он русский, но думает остаться в Казахстане. Он не предполагает, что там, где так много русских, будут какие-либо притеснения для них. Судя по политике Назарбаева, это так и есть. Назарбаев снова старается наладить более тесные связи с Россией, даже установить конфедерацию. Россия не хотела идти на конфедерацию с другими республиками без Украины, а последняя от конфедерации отказывается. Может быть, России следовало бы пойти на конфедерацию и без Украины, все же в нее вошли бы Белоруссия, Казахстан, где много русских, ну и ряд других азиатских республик.

На вокзале меня встречают один знакомый и мой племянник с сыном. Этого племянника я узнаю скорее, хотя сын моего покойного брата очень похож на своего отца, но я видела его перед тем 9-летним ребенком, тогда как другого моего 65-летнего племянника я видела последний раз за несколько недель перед войной, когда ему было 14 лет.

Вечером празднуем встречу. Он говорит

мне, что когда его невестка, молоденькая жена его сына, сказала ему, что я звонила из Петербурга, он был совершенно ошеломлен. Его покойная мать и ее сестра знали, что мы пережили войну и жили в Германии. Мы даже переписывались окружным путем. Но даже мать с глазу на глаз с сыном не сказала ему, что его бабушка (когда установился контакт, моя мать была еще жива) и младшая тетя живы. Так они боялись, что кто-либо узнает о родственниках в Германии. Какой это был проклятый режим!

Мой внучатый племянник уже молодой предприниматель, и очень недоволен, что все идет так медленно. Однако в странном противоречии себе самому он в каком-то смысле защищает плановое хозяйство. Но у меня уже больше нет сил для длинных вдумчивых разговоров, для выяснения позиций. К концу своего наполненного впечатлениями и в общей сложности очень счастливого путешествия я так устала, что мне не до детального разбора правильных или ошибочных идей. Мне в эти три дня надо еще многое сделать. Второе посещение Института социологии, о котором я уже писала, падает на эти дни. И еще интервью для газеты "Поиски". С заместителем редактора Е.А.Понариной я познакомилась еще в Мюнхене весной 1991 г. Уже тогда шла речь об интервью, но как-то не получилось. В Москве мы встретились с Е.А., гуляли по Кремлю, и она обещала составить вопросы к моему возвращению в Москву. Она даже позвонила в Петербург, прочла мне вопросы, с которыми я согласилась. Жена моего племянника, которая меня чрезвычайно приветливо встретила, радуется этому интервью в их квартире. Для читателей журнала мы прилагаем интервью в конце очерка.

В один из вечеров мой племянник для информации смотрит длинную, почему-то двойную по времени передачу Александра Невзорова. Мои знакомые в Петербурге, у которых я жила, тоже смотрели эти 600 секунд для информации, хотя и высказывали ясное понимание того, что Невзоров – КГБ-ист. Я попробовала посмотреть несколько раз эту передачу, но потом не могла. Явная ложь, совершенно прозрачные передержки, прямые оскорбления президента и членов правительства и клевета на них, и все это плачуще-истерическим, чисто советским тоном, от которого мы на Западе давно отвыкли. У нас сообщают новости спокойным и корректным тоном. Если б даже содержание не было столь отвратительным, то один тон был бы уже невыносим. Тем более захлебывался он плачущим тоном в передаче, которая была посвящена Приднестровью, нагнетая всякие ужасы. Но Ельцину вместе с другими президентами республик удалось установить спокойствие в Приднестровье. Оно, к

великому счастью, не оказалось Югославией. Я спросила А.Ярошинскую, отчего ничего не предпринимается против явной клеветы в этих передачах. "Мы же не можем запретить, мы не КГБ, – сказала она, – пусть этим занимается прокуратура". Это, верно, и хорошо: запретить нельзя даже явную ложь, но за клевету и оскорбления можно подать в суд. Снова молодая демократия слишком вяло защищает себя.

Последние дни пролетели быстро. Вот я на аэродроме, провожаемая семьей племянника. Пассажиров мало. Осмотра вещей не производится, только контролирующий билеты спрашивает меня; "И зачем вам в Мюнхен?" Я отвечаю: "Потому что я там живу". "А как дав-

но?" "Пятьдесят лет". Оторопелое молчание. Во все мое пребывание в России мне ни разу не показалось странным, что все кругом говорят по-русски, как это казалось иным русским тоже через полвека снова попавшим в Россию, я ни разу не сорвалась на немецкий язык по автоматической привычке, но проходя уже к посадке я вдруг спрашиваю стюардессу по-немецки, сюда ли на Мюнхен, и, спохватившись, перевожу на русский. Она немного обиженно возражает: "Я и по-немецки вас поняла". В самом деле, Мюнхен остается Мюнхеном на обоих языках.

Самолет полупустой. До свидания, Москва. До свидания, Россия. Надеюсь, что "до свидания", а не "прощай".

“Бросьте жаловаться. Хуже было...”

Не так часто главным редакторами эмигрантских журналов выступают профессора политологии, особенно женщины. Но доктор В.Пирожкова исполняет эту роль вот уже больше 16 лет. И заметим – успешно.

"Голос Зарубежья" – издание неброское, внешне даже аскетичное. Ни иллюстраций, ни портретов. Что ни статья – то о политике, религии, истории, иногда – мемуары или рецензии. Тем не менее еще года два назад переправить тоненькую книжечку этого журнала по почте из ФРГ в Советский Союз никак не удавалось: авторы не скрывали своих антипатий к коммунистической партии и той лжи, что в обилии наполняла страницы наших учебников по истории... Но журнал в Союз провозили, и читался он с явным интересом.

Словом, когда в командировке по Германии нам представилась возможность побеседовать с профессором Верой Пирожковой, мы этим шансом воспользовались. И не зря – целого дня не хватило, чтобы переговорить обо всем, что интересовало и нас, и ее. Под конец с надеждой полюбопытствовали: скоро ли в Союз? У нас там сейчас интересно – шел апрель 1991-го...

Но в ответ – заминка и неожиданные слова:

– Я вряд ли рискну приехать, ибо до сих пор считаю там преступницей... В 22 года, когда немцы оставляли Ригу, беженкой вместе со стариками-родителями ушла из страны. И наверняка прошлое и журнал – в черных списках.

И вдруг недели две назад звонок: "Я в Москве, если желание не пропало, можно увидеться..."

Конечно, мы встретились. И первый вопрос был традиционен:

– Вера Александровна, вы почти пятьдесят лет не были в России, она оказалась такой, как вы ее себе представляли?

– Трудно сказать. За политической Россией я очень следила – и тут открытий нет. Общий вид – полупустые магазины, уличная торговля – видела по телепередачам. Но в целом Москва мне показалась более обшарпанной, чем я предполагала. Правда, я ее плохо знала. А вот Санкт-Петербург... Мне говорят – раньше он был ухоженный. Когда? Пятьдесят лет назад Зимний дворец был красным и абсолютно запущенным. Теперь он выглядит гораздо лучше.

Но главное совсем в другом: я не почувствовала никакого отчуждения, я русская среди русских и сразу могу жить здесь.

– А вас не пугает осада "Останкино", заявления Русского национального собора?

– Вы помните, наверное, что в нашем журнале печатались и почвенники, и демократы, и конституционные монархисты... Я считала и считаю, что люди разных взглядов должны иметь возможность высказать свои мысли без обиняков, лишь бы делали это на хорошем интеллектуальном уровне и не позволяли себе ратовать за какую бы то ни было тоталитарную диктатуру, не травили бы другую нацию или вероисповедание.

Когда была крепка коммунистическая диктатура, нас всех объединяло противостояние ей. Но теперь положение обострилось. Произшел феномен, которого я, честно скажу, не ожидала: многие почвенники, монархисты скатились к союзу с национал-коммунистами. А тут пролегает та граница, которую я не могу перейти. Их теперешние взгляды выходят за рамки политического приличия.

Вот так же – за гранью допустимого – я воспринимаю происходившее у Останкинского

телецентра. Я отношусь ко всему этому чрезвычайно отрицательно. Для меня все эти Прохановы, Невзоровы, Аксютчицы, последнего я лично знаю и давно поняла, абсолютно неприемлемы. Я стою на позиции умеренной демократии и браню только тех демократов, которые соскальзывают в анархию и говорильню.

Демократия – этой строй, который требует большой самодисциплины. Если себя распустить, то от внешней свободы скоро ничего не останется, она перейдет в анархию, а анархия – в тиранию.

Каждое правительство в таком положении, как у вас сейчас, будет делать ошибки. Одно – эту ошибку, другое – другую. Совершенно безоговорочного правительства при такой тяжелой ситуации быть не может. Так если ты демократ, то посмотри, можно ли рискнуть падением этого правительства, когда налицо такие страшные силы национал-коммунистов. Они могут перехватить власть – и тогда уже не будет никаких ошибок. Все будет одна сплошная ошибка.

Выбранный народом президент должен оставаться им весь период, на который избран. Если это не так, то это несчастье. И демократы должны первые заботиться о том, чтобы он, президент, мог действовать. Ошибки его, правительства, можно и должно корректировать, для чего писать меморандумы, выступать в прессе, парламенте, но все в рамках дисциплины. Свобода не только “от чего”, но главным образом – “ради чего”.

– И тем не менее именно свобода “от чего”, как мы понимаем, позволила вам вернуться на Родину...

– Да, я думала, что так и умру, не увидев Россию. Приезд сюда для меня почти что чудо Божье. Помог путч. Как только он случился, как только запрещена была компартия, устранена диктатура политбюро, ЦК, КГБ, я поняла – можно ехать. Теперь мои антикоммунистические взгляды перестали считаться крамольными.

– Кстати, читая в “Голосе Зарубежья” ваши воспоминания, мы поразились, что вы и ваши товарищи в юности не очень их, эти взгляды, скрывали. Это исключение или?..

– Не думаю, что исключение. Но мы все-таки скрывали свои убеждения. Не таились только между собой. В классах же молчали. Потому что я считала себя ответственной за родителей – они ведь тоже были таких же убеждений. Когда же стала студенткой, почему-то сочла, что теперь я уже взрослая и спрос будет только с меня. Ленинградский университет вообще был очень мятежный. Мы даже ждали волны арестов, особенно среди профессорско-преподавательского состава. Но пришла война, которая все перетрясла иным способом.

– Вы рассказывали, что уходили из Пскова, куда вернулись к родителям в начале войны, через Ригу и дальше, на запад. Но неужели вы и ваши родители не понимали, что, покидая одно государство с ненавистным тоталитарным режимом, вы прямиком попадаете в аналогичное, только чужое?

– Мы не сразу поняли, насколько оно тоталитарно. Армия у немцев ведь была беспартийной. А до войны об этом режиме нам все время лгали. То повальное охаивали, а то – в 39-м—40-м – взахлеб хвалили. Тем не менее мы чувствовали: гитлеровскому рейху осталось недолго, нацизм вот-вот рухнет. Окончание войны застало нас в будущей ГДР. Но американцы намерены были отдать эту территорию Советам, и нам пришлось двинуться дальше. Чем жили? В Вольфене работала на фабрике, что-то чертила, считала. В Мюнхене бралась за любой физический труд. Родителей, уже стариков, поддерживала Американская гуманитарная организация.

В 1946 году я поступила в Мюнхенский университет, но уже на философское отделение, а в каникулы – их в Германии набирается за год до пяти месяцев – работала. Так многие делали, в том числе и немцы.

Жили, конечно, скромно, на немецкие карточки, по которым в месяц выдавали на человека 50 граммов жиров. Ели преимущественно пустую картошку и маисовую американскую кашку. Одевались в старые вещи, которые тоже присылали в своих пакетах американцы. Университет был разрушен, в первую зиму в нем не топили, во вторую установили буржуйки. Когда пришло время писать диссертацию, стали давать стипендию, и это очень поддерживало.

– Так когда вам было легче учиться?

– Материально мне в Ленинграде было лучше: ведь отец был доцентом педвуза, а я – единственная дочь. Зато морально... Я ведь на математику пошла, лишь бы не произносить идеологических заклинаний. А в Германии на философском, куда меня всегда тянуло, сразу стала говорить, что хотела, спорить с профессорами. Там была академическая свобода, духовно было несравненно лучше, зато в быту – труднее.

– Говорят, страх въедался в души советских людей прочно, как генетический код. А вы испытывали страх после ухода из России?

– Мы очень боялись после войны, что нас вернут в Союз как бывших советских граждан. Пришлось даже скрываться, выдавать себя за старых эмигрантов. В 48-м, когда союзники окончательно перессорились, этот страх исчез навсегда. А вообще за себя я никогда не боялась. Еще подростком шутила, что есть три вещи, которых не боюсь, – собак, разбойников

и будущего. Чего мне его бояться? Я его просто строить буду.

– И тем не менее трудно в Германии вам приходилось. Особенно когда стали укрепляться позиции левых. Когда студенты стали устраивать обструкции своим профессорам, но и тогда ваши же студенты рассказывали, что вы остались верны своим убеждениям. Что поддерживало силы?

– Прежде всего – знания. Многие мои мюнхенские коллеги всерьез не изучали марксизм, считали его вульгарной философией. И когда студенты забрасывали их конкретными марксистскими сентенциями, они не знали, что отвечать. Я же – знала. И едва спорщики пытались затеять дискуссию, сажала их в калошу. Они только поражались – как это так? К тому же меня не смущала ни дерзость, ни наглость вопросов: оставив академический стиль, я сама отвечала на них насмешливо. И это более всего их убивало.

Но один раз мне все-таки сорвали лекцию. Но я не ушла, а сев на стол, стала сопровождать их дебаты едкими репликами. И скоро они поняли, чья взяла. А вот профессура меня упрекнула: это унижение, вы должны были покинуть аудиторию. Я сказала: "Дорогие коллеги, я проиграла одну битву, но не собираюсь проигрывать войну". И была права – эту войну с левыми я выиграла.

И потом... мне помогла выстоять вера в Бога. Я пришла к ней в Мюнхенском университете, потому что даже философия не решала проблемы смысла жизни.

– И католичество выбрали под влиянием Германии?

– Нет. Католическую церковь я выбрала только потому, что не смогла переступить через слова "Ты, Петр, и на камне сем осную Я церковь Мою". Так стоит в Евангелии... А все трактаты о церквях православных богословов, которые мне приходилось читать, начинаются без этой цитаты, просто "Осную Я церковь Мою..." А разве можно выкидывать слова Иисуса Христа, если Его считаете Богом?

Как преподаватель я не позволила бы студенту, взявшемуся писать работу по какому-то философу, использовать урезанную цитату этого философа. Ведь это прямой путь к фальсификации. Но если я не даю возможность обкорнать земного автора, то как же можно строить все учение о церкви на обкорнанной цитате из Евангелия? Я этого не могла понять. И выбор католической церкви был следствием чисто интеллектуальной честности. Эмоционально же мне ближе православная церковь, тем более что там я была крещена. Но я сказала себе: "Я должна повиноваться тому, что Бог говорит".

– Глядя со стороны, ваша жизнь сложилась удачно. Но, гуляя по Кремлю, вы об-

молвились, хотя не имеете привычки жаловаться: "они (коммунисты) сломали мне жизнь..." Что помогло вам в чужой земле состояться как личность?

– Наверное, известные природные задатки. На мое счастье, я мало поддаюсь влиянию извне. Но жизнь они мне, конечно, сломали. Приехав в Россию, я почувствовала это остро. То, что я жила вне России, повредило моему духовному развитию. Тут, я уверена, как философ я развилась бы дальше и смогла бы дать людям больше. Они меня на полвека лишили Родины.

– Вера Александровна, случилось так, как вы предрекали – коммунистический режим рухнул. Что вы чувствуете: удовлетворение, что все сделалось по-вашему, или жалость к тем, кто сейчас в России так мучается?

– Конечно, удовлетворение. Я лично очень счастлива. И не потому, что все, как я говорила. А оттого, что режим в России свалили почти бескровно. Я не говорю об окраинах Союза. Я ведь всегда принимала как неизбежное, что эта диктатура будет оплачена большой кровью. И, к испугу некоторых, открыто заявляла, что "лучше ужасный конец, чем ужас без конца". И меня несколько не пугает то, что сейчас происходит в России. Я ожидала худшего.

Скажите, я жестокий человек? Я видела периоды, когда миллионы просто умирали от голода – на Украине в коллективизацию. Людей вывозили целыми грузовиками и сбрасывали еще отчасти живых в ямы. Детей с распухшими животами... Такого и близко нет в России сейчас. Жалуются те, кто совсем не голодает. Да, им приходится крутиться, но всем в мире приходится крутиться... У меня нет повальной жалости к населению, хотя отдельным категориям приходится тяжело. Но ведь это все переходный период, и его надо пройти, не тратя времени и силы на жалобы.

– Вы верите в будущее России? И если "да", то на чем это будущее должно быть основано?

– Верю. По-моему, оно должно быть основано на раскрепощении личности, на личной инициативе. Причем второе чрезвычайно важно. Не ждать поддержки от государства, а развивать собственную личную предприимчивость. Вы можете ждать, что я, как верующий человек, скажу, что прежде всего русский народ поднимется на почве христианства. Я этого сейчас не скажу. В первую очередь нужно искать себя как личность. И, исходя из этой личности, строить гражданское общество – свободное, уверенное в себе, независимое, но дисциплинированное.

Я бы, конечно, хотела усвоения Россией глубинного христианства. В форме православия? Пожалуйста, но только не националистического. Эту опасность я очень ясно вижу. Она

проглядывает даже в эмиграции. Попытка связать православие, которое является христианством, где "несть эллина, и несть иудея", с национализмом – это, по-моему, опасная и дурная попытка. Пока, может быть, многие будут развивать личность и не в христианстве. До какого-то предела можно развивать и вне его. Или, скажем, в другом вероисповедании, если брать его вне фанатизма. В том же мусульманстве очень много положительного, если вчитываться в Коран, а не выходить на площади с криками... Не говоря уже об иудаизме, из которого, не надо забывать, все-таки

вышло христианство. Десять заповедей даны были, в конце концов, в иудействе и подтверждены в христианстве. Словом, где бы то ни было, начинать надо с себя – с личности. Не тратить время на жалобы. Я надеюсь, что это пройдет. Я уже встречала в России другие силы, более оптимистические, деятельные, и надеюсь, что они превалят.

– Приедете еще?

– Очень хотела бы. Но если вы не допустите следующего путча.

**Беседу вели Елизавета ПОНАРИНА,
Владимир СТЕШЕНКО.**

С.ТИКТИН

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ "ЧЕРНОБЫЛЬСКИХ" РАДИАЦИОННЫХ ПОРАЖЕНИЙ

"...радиологические последствия для населения... в ближайшие несколько десятков лет... будут незначительны на фоне естественных раковых и генетических заболеваний".

("Авария на Чернобыльской Атомной Электростанции"¹ и ее последствия" Государственный Комитет СССР по использованию Атомной энергии. Информация², подготовленная для совещания экспертов МАГАТЭ. 25-29 августа 1986 г. Вена. Стр. 58).

Шесть лет прошло после чернобыльской трагедии. Каковы ее истинные последствия? Однозначного ответа на этот вопрос нет и сегодня. На следующий день после катастрофы официально числились погибшими двое. Через пару месяцев – 31, через пару лет, когда "гласность" начала набирать силу, – 250, к весне 1992 года их стало более 8000. А в действительности – только ли 8000 с лишним?

Алла Ярошинская, председатель комиссии по Чернобылю Министерства печати Российской Федерации, в недавнем прошлом – депутат бывшего Верховного Совета СССР от Житомирской области, опубликовала в газете "Известия" от 25 апреля 1992 г. статью "Ложь о Чернобыле так же страшна, как сама катастрофа", где привела ряд выдержек из секретных протоколов оперативной группы Политбюро ЦК КПСС по вопросу, связанным с ликвидацией аварии на ЧАЭС. На 7-е мая 1986 г. были госпитализированы 4301 человек, из которых 520 – с диагнозом лучевой болезни. На 12-е мая число госпитализированных превысило 10000 человек, из которых 345 человек имели разве что "признаки лучевого заболевания". Какого? "Классической" лучевой болезни или иного? В выпущенных 4-го июня 1986 г. "Директивах участникам очередной пресс-конференции для советских и иностранных ученых и журналистов" говорится, что "...за прошедший период обследованы все люди, обратившиеся в медицинские учреждения". Диагноз острой лучевой болезни³ установлен у 187 пострадавших (все из числа персонала АЭС), из них умерло 24 человека (двое погибли в

момент аварии). Диагноз лучевой болезни у госпитализированной части, включая детей, не подтвердился". Удивительная динамика!

Не проливает на эту динамику света и статья действительного члена АМН СССР, нынешнего министра здравоохранения Российской Федерации А.Воробьева "Почему советская радиация – самая безопасная" ("Московские новости" №33 от 18 августа 1991 г., стр. 5). Автор сообщает, что "в первые дни на Украине оказались ошибочно (?) госпитализированными около 15000 человек, поскольку в районе аварии не было специалистов. Но уже 2-го мая 1986 г. была опубликована (!) инструкция по диагностике ОЛБ, а затем все ошибочно госпитализированные были выписаны из стационаров". Никаких выдержек из этой инструкции проф. Воробьев, однако, не приводит. И потому вместо ответа сразу же возникают вопросы:

Какого рода поражения, связанные с действием выброшенных из взорвавшегося реактора радиоактивных изотопов⁴, предписывала эта инструкция признавать лучевой болезнью, а какого – нет? Как понять утверждение, что "в районе аварии не было специалистов?" Тем более, что лучевая болезнь как таковая известна давно, а рентгенологию и радиологию изучают во всех медицинских институтах. В них имеются соответствующие кафедры, на которых работают специалисты, принадлежащие к различным научным школам. Есть на Украине и специализированные НИИ этого профиля, в частности, Киевский рентгенорадиологический и онкологический институт – в

ста с небольшим километрах от места аварии. Как вообще могло случиться, что множество врачей в различных медицинских учреждениях ошибочно диагностировали лучевую болезнь у 15000 человек? Что же именно в таком случае сочли они лучевой болезнью и чем это было на самом деле? В чем их диагностика расходилась с указанной проф. А.Воробьевым инструкцией? И, наконец, куда и с какими окончательными диагнозами были выписаны эти "около 15000 человек"? Какова их дальнейшая судьба?

Волей-неволей вспоминаются сообщения эмигранта, бывшего киевлянина, И.Герашенко (На русском языке – см. "Новое Русское Слово" от 24 марта и 2 апреля 1987 г.). Ссылаясь на сведения, полученные от своих друзей, работающих в киевских медицинских учреждениях, И.Герашенко заявил в интервью газете "Нью-Йорк Сити Трибюн", а затем в комиссии Конгресса США по безопасности и сотрудничеству в Европе, что в результате катастрофы на ЧАЭС погибло более 15000 человек. Согласно этим сведениям, пострадавшим ставили диагноз "сосудистая атония", "вегетососудистая дистония" и т.п., а в медицинских карточках погибших писали: "прошел курс лечения" или "в дальнейшем лечении не нуждается".

Личности этих двух авторов, их места в науке и обществе, их источники информации и ситуации, в которых последняя стала достоянием прессы, несопоставимы. Тем более удивительно это совпадение: **15000!** Могло ли оно быть случайным?

А сколько их, пораженных и до сих пор поражаемых адскими излучениями, живых, но выбитых из колеи жизни, страдающих, умирающих, рождающих и рождающихся – с дефектной генетикой? На семь или больше поколений? Десятки тысяч, сотни тысяч или уже миллионы – на Украине, в Белоруссии, в России?

Но сперва – по каким признакам определяли пострадавших от радиационных поражений непосредственно после катастрофы? Сколько их было признано таковыми тогда? И какими были прогнозы?

Вот что сообщает "Информация", переданная в МАГАТЭ в августе 1986 года – через четыре месяца после катастрофы:

В ближайшее время после взрыва среди находившихся на территории ЧАЭС (и, следовательно, подвергшихся внешнему γ -облучению от рассыпанного по территории станции ядерного топлива – *С.Т.*) лиц были выявлены пострадавшие с признаками ОЛБ различной степени тяжести. Всего больными ОЛБ, как сообщает "Информация" (Прил. 7, стр. 3), было признано 203 человека (а какой окончательный диагноз у остальных 317-ти??). Боль-

ных ОЛБ среди населения не выявлено (там же). А "лучевые поражения кожи (бета-ожоги) более 1% поверхности тела наблюдались у 48 человек (там же, стр. 33). Основная причина – поверхностные радиоактивные загрязнения".

Через три года тогдашний министр здравоохранения тогдашней УССР А.Романенко "уточнит" эти цифры на майском, 1989 года, пленуме ЦК компартии Украины: "Со всей ответственностью могу сообщить, что, кроме тех, кто заболел, которых 209 человек, сегодня нет людей, заболеваемость которых можно или необходимо связывать с действием радиации". Оставим это уточнение на (весьма проблематичной) совести Романенко и вернемся к "Информации".

В ней сообщается о результате γ -спектроскопического исследования излучения, исходившего из организма пострадавших: "практически у всех поступивших, без очевидной связи с наличием и тяжестью ОЛБ, было обнаружено поступление в организм сложной смеси нуклидов, преимущественно изотопов иода, цезия, циркония, ниобия, рутения" (Прил. 7, стр. 48). Признание очень ценное, хотя о других, достаточно хорошо известных – и весьма опасных – видах радиации, которым сопутствуют указанные γ -излучения, не говорится ничего. А жаль. Есть также упоминание об **инкорпорации** радионуклидов (там же, стр. 8), но в какой форме – не уточняется. Чуть ниже (стр. 9) говорится об инкорпорации в крови (?) радионуклидов иода и высокой – до 50 микрокюри – концентрации его в щитовидной железе. Таким образом, речь идет о попадании в организм иода в растворимых формах и его миграции в нем. Далее следует вывод: "Однако количества их (инкорпорированных радионуклидов – *С.Т.*) и уровень доз у всех, за исключением одного пациента, были ниже клинически значимых для непосредственных эффектов" (Прил. 7, стр. 48). Каких "непосредственных эффектов"? "Классической" ОЛБ? Или, может быть, "сосудистой атонии"?

Но еще разительнее выглядят заключительные, общие выводы авторов этой "Информации":

"Дополнительная смертность, связанная с аварийным выбросом ЧАЭС, менее чем на 2% увеличит естественную смертность от рака среди облученного населения" (там же, стр. 63); "...на данном этапе при оценке дозовых нагрузок можно **не учитывать ингаляционное поступление радионуклидов** при проживании на сформированном радиоактивном следе" (там же, стр. 64, *выд. С.Т.*).

Только при проживании или и на работах по его ликвидации?

И, наконец, "...средние по областям значения доз внешнего облучения людей за 1986 год не превысят (с учетом режима жизнедеятельности)

тельности населения) 1,5 бэр⁵, а за 50 лет – 5 бэр. Таким образом подтверждается полная безопасность для здоровья населения, проживающего вне 30-км зоны вокруг ЧАЭС, сложившихся уровней внешнего γ -излучения продуктов аварийного выброса" (там же, стр. 70).

Цена всем этим выводам сегодня достаточно хорошо известна.

И если причина продолжающихся убийственных последствий чернобыльской катастрофы не во внешнем γ -облучении, то в чем же?

Болезни щитовидной железы могут быть объяснимы внутренним облучением ее ткани – порядка сотен и тысяч бэр – концентрировавшимися в ней короткоживущими (периоды полураспада 8,5 и 2,2 дня) радионуклидами йода в первые дни и недели после катастрофы – уже давным-давно распавшимися.

А прочее: различного рода злокачественные опухоли, болезни крови, потери иммунитета, генетические заболевания и т.д. и т.п.?

Первые годы, в соответствии с секретными указаниями Минздрава СССР и других "компетентных инстанций", эти заболевания, если они не сопровождалась явными признаками ОЛБ или наружными радиационными ожогами, запрещалось признавать связанными с чернобыльской катастрофой – даже для работников станции, пожарных и "ликвидаторов", имевших дело непосредственно с радиоактивными материалами, выброшенными из взорвавшегося реактора. Массы пострадавших, лишенных медицинской и иной помощи, обивали пороги различных учреждений, порой пытались демонстрировать ("бузотеры" – по выражению тогдашнего зам. министра внутренних дел УССР генерала Г.Бердова), порой обращались с отчаянными письмами в прессу, все чаще принимавшую их сторону. Медицинская служба военно-промышленного комплекса отреагировала свойственным ему образом: к "сосудистой атонии", "вегетососудистой дистонии" ("ВСД!") и пр. "заболеваниям, не связанным с облучением" добавила "радиофобию". На киевской научной конференции (май 1988 г.) "Медицинские аспекты аварии на Чернобыльской АЭС" дело дошло до обвинения средств массовой информации, стремившихся сообщать хотя бы крохи о действительной ситуации, в распространения этой "болезни". А над "недооблученными" (?) до указанных "теорией" вице-президента АМН СССР, директора Института биофизики его Минздрава, Л.Ильина пороговых бэров "рвачами", "симулянтами", "бузотерами" и пр., наиболее упорно настаивающими на своих человеческих правах, нависла зловещая тень психиатрических репрессий.

Следует отметить, что некоторые врачи из числа допущенных в первые годы к лечению

пострадавших от чернобыльской катастрофы видели в отклонениях от классических форм ОЛБ или наружного радиационного ожога не только симуляцию и "радиофобию", но – в нарушение "установок сверху" – предполагали, что возможность связи наблюдаемых патологий с воздействием ионизирующих излучений.

В ходе развития "гласности" многие одиозные тайны перестали быть тайнами. Вызванные радиационными поражениями "нестандартные" заболевания работников ЧАЭС, пожарных, "ликвидаторов" и населения зараженных радиоактивными выпадениями местностей стали, наконец, признаваться связанными с чернобыльской катастрофой. Пострадавшие – с огромным запозданием – начали получать хоть какое-то лечение и законные льготы.

Зловещим симптомом спорного чернобыльского поражения стало "свечение", то есть то самое, отмеченное в "Информации" собственное излучение пострадавшего, свидетельствующее о наличии радионуклидов внутри пораженного организма. Первое время уровни этих γ -излучений были порой довольно высокими. Теперь – у оставшихся в живых – они невелики и, казалось бы, не должны быть причиной серьезных заболеваний. Специалисты спорят об оценке допустимых доз облучения. Речь идет, в частности, о взятой фактически с потолка (с чьего только?) "пороговой" дозе 35 бэр, с превышением которой якобы начинает расти вероятность озлокачествления тканей. Много это или мало, если "Большая Советская Энциклопедия" (т. 14, стр. 641, 1952) утверждает, что доза, равная 0,1 рентген/сутки (т.е. 36,5 бэр/год), "не вызывает заметных (а незаметных? – С.Т.) патологических изменений в организме"⁶; если ОЛБ начинается при дозе общего одноразового облучения проникающим рентгеновским или γ -излучением около 100 рентген, а доза в 450 рентген может оказаться смертельной; но локальные облучения в лечебных целях превышают иногда 10000 рентген? Много говорят и о недостаточной исследованности продолжительного действия слабых излучений, хотя за почти сто лет, прошедших после открытия рентгеновских лучей и естественной радиоактивности, таких исследований выполнено очень много.

1-го мая 1992 г. газета "Русская мысль" опубликовала статью Аллы Ярошинской "Коростень, Лугины, далее везде", в которой она описывает свое недавнее посещение с γ -радиометром в руках ряда украинских сел, пораженных радиоактивными выпадениями. Местные жители тяжело страдают от различных хронических болезней, особенно дети: увеличенные лимфатические узлы, носовые кровотечения, заболевания печени и др.; у некоторых такая слабость, что валяются с ног в школе

на линейке... Несмотря на все предписания и подписки, люди пьют "грязное" молоко своих коров и едят "грязные" овощи со своих огородов. А что делать, если других нет? γ -фон повсюду увеличен: 0,15 : 0,17 миллирентген/час, что в десять раз превышает естественный. А в селе Мощаница – 1,5 миллирентген/час – превышение в сто раз! Но ведь и эта доза почти втрое меньше "допустимой" дозы, указанной в БСЗ, причем в "дочернобыльском" издании.

Власть имущие и их ученые консультанты имеют достаточно "научных" оснований произвольно менять в десять и даже в пятьдесят раз допустимые (ими!) дозы γ -облучения, но по крайней мере вдали от ЧАЭС γ -излучение теперь (и, по-видимому, с самого начала) является не главным поражающим фактором, а скорее – сигнализирующим об ином, более действенном, коварном и опасном.

О каком же?

Может быть, это β -излучение, идущее из зараженной радиоактивными выпадениями почвы?

Д-р Ю.Щербак, нынешний министр экологии Украины, в книге "Чернобыль" (Изд. "Советский писатель", М., 1991) сообщает о жительнице Припяти, работавшей в "роковую субботу" на приусадебном участке и получившей тяжелые радиационные ожоги ног. Но простой расчет показывает, что сегодня, даже при ежедневном хождении босиком (а после катастрофы жители пораженных районов этого тщательно избегают) по восемь часов в день в течение полугода по земле, зараженной радионуклидами цезия-137 и стронция-90 в количестве 100 кюри на км² (по β -излучению), локальная годовая доза облучения поверхности стоп ног не превысит 50 рад⁷. Не так уж страшно, хотя и не рекомендуется.

В упомянутой выше статье проф. А.Воробьева сообщается, что "у 40% обследованных жителей чернобыльского региона (?) не обнаружено каких-либо доз облучения, 50% облучены дозой до 50 рад, более 5% – дозой 50-80 рад. У последней группы можно ожидать отчетливого повышения частоты опухолей. 2% населения загрязненных районов... облучены в дозе более 100 рад. Среди ликвидаторов эта группа еще больше". Чуть дальше проф. Воробьев пишет: "У некоторых жителей Гомеля и Брянской области выявлены такие изменения в отдельных клетках, которые свидетельствуют о действии чрезвычайно мощного излучения! Налицо несоответствие: весь организм облучен в дозе 30-50 рад, а отдельные его клетки – около 1000 и более рад". Проф. Воробьев предполагает, что "это результат распада скорее всего плутония, опаснейшего канцерогена". При этом он допускает присутствие другого α -активного радионуклида (кюрия? – С.Т.) и сетует, что на этот факт, сообщенный Минз-

драву и соответствующим комиссиям Верховного Совета и Академии Медицинских Наук тогдашнего СССР, не последовало никакой реакции и откликов.

Сравнительно простой расчет показывает, что единичные α -частицы, испускаемые плутонием, действительно, способны сообщить энергию, эквивалентную 1000 рад, клеткам различной формы с поперечными размерами до 2,0-2,5 микрон. Но в статье проф. Воробьева речь идет именно об отдельных клетках, а не о зонах или слоях аномального поражения. Значит, и его источники – атомы плутония или кюрия – тоже разрознены и, по всей видимости, мигрируют по организму. Могут ли эти отдельные атомы сравнительно редко излучающего плутония или молекулы его соединений, блуждающие в теле, быть главной причиной хронического радиационного поражения – при микроскопических концентрациях и ничтожном уровне радиации, усредненной по организму? Ведь альфатерапия дает куда большие дозы этого облучения.

В упомянутой выше книге "Чернобыль" Ю.Щербак приводит такие слова жителя Житомирской области В.Войтюка: "После аварии на здоровье люди начали нарекаться... рак легких, печени, гортани. Многие кашляли, и в горле хрипота. Ну, это ясно – ОНО же в воздухе... дышишь ИМ, ОНО в бронхи садится, горло, легкие".

Что же это за "ОНО"?

Чуть ниже автор книги сетует на отсутствие тракторов с герметизированными кабинами в хозяйствах областей, пострадавших от радиоактивных выпадений. Но выходящие из загрязненной ими почвы α - и β -частицы все равно не достигнут тракториста, а γ -лучи, пусть и в ничтожных дозах, все равно достанут его, если только не выложить кабину свинцовыми листами солидной толщины (о чем в статье речи нет). Что же даст в таком случае герметизация кабины? Разве что защиту от пыли, обильно поднимаемой при обработке земли.

Одна из опрошенных А.Ярошинской жительниц пораженных районов той же Житомирщины Нина Данилюк случайно (?) бросает: "...страшная пыль". Другой – Григорий Власюк – говорит: "А ведь пыль не спрашивает, режимное это место или нет, она летит себе куда ей хочется".

Это – так называемые "простые люди". А вот что заявляют цитируемые Ю.Щербаком специалисты: "Мы должны что-то делать со зданием ("Саркофага" – С.Т.), ибо если упадет 40-тонный ригель, будет такой пылевой залп через трубу, что..." (Л.Камбулов, начальник комплексной экспедиции при ИАЭ им.Курчатова). "...важно предотвратить пылевой разнос, который был, может быть, даже более опасен, чем все остальное" (Ю.Самойленко, зам.

главного инженера ЧАЭС по ликвидации аварии).

Но что будет и в чем опасность – вопрос остается открытым.

Еще в 1989 году газета “Московские новости” №42 от 15 октября в рубрике “Круглый стол” поместила материал дискуссии об умолчании истинных причин и последствий Чернобыльской трагедии под заголовком “Большая ложь”. Среди прочих вопросов участники дискуссии обратили внимание на упорное противодействие властей патологоанатомическим вскрытиям умерших от радиационных поражений, поскольку их результаты могли опровергнуть спущенное из самых верхов положение: “Никто не умирает от радиации”. Белорусский писатель А.Адамович сообщает: “Но когда вскрывали людей, умерших якобы от других болезней, например, от ишемии, то оказывалось, что у них в легких – это зафиксировано профессором Е.Петряевым – в огромном количестве так называемые “горячие частицы”. До пятнадцати тысяч! Две тысячи таких частиц – гарантия рака”. Речь идет об инкорпорированных тканью легких, неподвижно застрявших в ней пылинках частично отработанного реакторного топлива. Подобная инкорпорация твердых частичек – табачного дыма, угольной пыли, кремнезема (при больших количествах приводящая к силикозу) – известна давно. Следует отметить, что авторы “Информации” сообщили об обнаружении различных радионуклидов в легких нескольких умерших от ОЛБ вскоре после катастрофы. Но в какой форме они там находились – не написали. А общие прогнозы этой “Информации”, как мы видели, настолько же оптимистичны, насколько далеки от реальности.

Чтобы выяснить действительный масштаб опасности инкорпорированной пыли ядерного топлива, обратим внимание на некоторые особенности радиоактивного выброса и характера испускаемой им радиации.

Топливо канальных реакторов серии РБМК (реактор большой мощности кипящий) с графитовым замедлителем нейтронов состоит из спеченных керамических таблеток двуокиси урана UO_2 диаметром 11,5 мм и высотой 15 мм, заключенных в трубчатых сборках, охлаждаемых водой, кипящей под высоким давлением. Слаборadioактивный⁸ пар поступает из реакторов прямо в турбины. В таком реакторе процессы выделения энергии, поглощения нейтронов, кипения и др. взаимосвязаны сложным образом, причем возможны и неустойчивые режимы работы (а персонал имел об этом весьма смутные понятия). В результате ряда манипуляций в реакторе начался саморазгон цепной реакции деления урана, сопровождавшийся неравномерным перегревом топлива, его растрескиванием и расплавлени-

ем. Началось разрушение тепловыделяющих сборок. Раскаленные куски топлива вступили в соприкосновение с водой, вызвав ее бурное парообразование и рост давления в циркуляционном контуре. После его разрыва и выброса из него пара, поглощавшего нейтроны, саморазгон многократно ускорился. В результате в активной зоне реактора произошел ядерный взрыв **самого топлива**⁹. Этот взрыв – на медленных нейтронах – был сравнительно слабым, эквивалентным от силы взрыву нескольких сотен килограмм даже не тротила, а скорее гремучей газовой смеси. Но он выбросил из реактора образовавшихся за многие месяцы его эксплуатации продуктов деления урана куда больше, чем мгновенно возникло при испытательном взрыве сверхмощной американской “грязной” водородно-урановой бомбы в 1954 году на острове Бикини, эквивалентной мощностью в 14 миллионов тонн тротила. Из находившихся в реакторе 192 тонн топлива вылетело наружу примерно 120 тонн, причем около 50 тонн – в мелкодисперсной форме¹⁰. Выброс произошел частью в виде целых таблеток, частью в виде их обломков и твердой пыли, частью в виде раскаленных до ярко белого свечения капель и еще более разогретого пара тугоплавкой двуокиси урана. Капли и пар стремительно остыли в атмосфере. При этом из них выделилось некоторое количество радионуклидов инертных газов, иода и др., частью оставшихся в свободном состоянии, частью образовавших легко растворимые соединения (отсюда и массовые поражения щитовидной железы). Часть мелко раздробленного взрывом топлива была “вколочена” в графит и, по мере выгорания последнего, увлекалась потоком горячих газов в виде дыма. Это продолжалось до тех пор, пока реактор не был засыпан тысячами тонн доломита, песка, свинца и других материалов, сброшенных с вертолетов (что также сопровождалось интенсивными выбросами пыли). Плотность двуокиси урана составляет примерно 10 г/см³. Поэтому обломки топливных таблеток и крупная пыль осели сразу же вблизи ЧАЭС. Держаться же в воздухе продолжительное время и переноситься ветрами на значительные расстояния могут только пылинки топлива размером не более 10-20 микрон. Следует отметить, что работа “ликвидаторов” по дезактивации зараженной земли, строений и пр. очень часто сопровождалась вторичным пылением, причем весьма интенсивным.

К моменту катастрофы в составе топлива находилось более 100 кг активных¹¹ фрагментов деления ядер урана и около 500 кг различных изотопов плутония и других трансуранов. Указанные фрагменты – радионуклиды криптона, иода, ксенона, стронция, цезия, и др. испускают β -частицы, т.е. электроны с энергия-

ми в несколько сотен тысяч электрон-вольт (eV) и выше. Каждый акт такого β -распада сопровождается, как правило, испусканием γ -фотона с энергией того же порядка. Периоды полураспада этих фрагментов находятся в пределах от долей секунды до нескольких десятков лет. Образовавшиеся в реакторе изотопы плутония с атомным весом 239, 240 и 241 и периодом полураспада соответственно 24600, 6400 и 13 лет испускают α -частицы – ядра гелия с гораздо большей энергией – около 4,8 миллионов электрон-вольт. Кроме того, в реакторе образуется и кюрий-242, переходящий в результате α -распада с периодом около пяти месяцев в α -активный плутоний-238, период полураспада которого составляет 50 лет.

Следует отметить, что в работающем реакторе идут одновременно как деление ядер урана, так и дальнейший β -распад их фрагментов. Поэтому в момент катастрофы процент короткоживущих (по сравнению с продолжительностью пребывания топлива в реакторе) радионуклидов в выбросе был гораздо ниже, чем при взрывах ядерных зарядов, а процент долгоживущих – примерно таким же. Этим и объясняется тот факт, что начальная активность выброса сравнивается с активностью взрыва десятков “хиросимских” бомб, а куда меньшая нынешняя – с активностью взрыва сотен таких бомб.

Тем не менее, как сообщается в “Информации”, (Прил. 3, стр. 5), активность короткоживущих радионуклидов сразу после катастрофы составляла более 90% от суммарной γ - и β -активности выброса. Аналогичным образом, начальная α -активность выброса на 90% определялась распадом кюрия (Прил. 4, стр. 3).

Наиболее проникающими являются γ -лучи. При энергиях свыше 200 keV они слабо поглощаются материалом топлива и выходят наружу из его таблеток, не говоря уже об их обломках. Длина пробега β -частиц в материале топлива составляет десятые доли миллиметра, а α -частиц – всего несколько микрон. Таким образом, в реакторе эти излучения почти полностью поглощаются в материале топлива, выходя наружу только из его поверхностных слоев. Однако если топливо находится в форме пылинок, размеры которых меньше длин пробега, то эти излучения выходят из них наружу полностью.

В воздухе γ -лучи распространяются на сотни метров, пробег β -частиц доходит до нескольких метров, а α -частиц составляет лишь несколько сантиметров.

В живых тканях γ -лучи распространяются на десятки сантиметров, выходя за пределы человеческого организма. Поэтому их испускание изнутри человеческого тела и может обнаруживаться и измеряться находящимися вне его приборами. Длина пробега испускаемых

фрагментами ядер урана и плутония β -частиц в ткани составляет несколько миллиметров, а испускаемых плутонием и кюрием α -частиц – всего сорок микрон.

Поражения живых организмов α -, β - и γ -излучениями возникают в основном в результате ионизации и образования в клетках свободных радикалов, существенно нарушающих процессы обмена веществ и повреждающих хромосомный механизм. Энергетические затраты на образование одной пары ионов, α -, β - и γ -излучениями различаются немного и в среднем составляют 30-35 eV. Однако концентрация ионов в облученных тканях и, соответственно, свободных радикалов и локальных повреждений на молекулярно-клеточном уровне, причиняемых β -частицами вдоль пути их пробега, оказываются в десятки раз большими, чем γ -лучами, а α -частицами – в тысячи и даже в десятки тысяч раз.

По этой причине γ -лучи при внешнем воздействии вызывают объемное поражение организма (в первую очередь – его кроветворной системы), локальное или общее – в зависимости от условий облучения, – проявляющееся как лучевая болезнь. Внешнее β -облучение вызывает поверхностное, сравнительно небольшой глубины поражение, квалифицируемое как радиационный ожог. А α -частицы даже не проходят через наружный слой кожи (эпидермис), но способны причинять тяжелые радиационные ожоги незащищенным ею тканям слизистых оболочек.

Излучения инкорпорированной в организме нерастворимой “горячей пыли” отработанного ядерного топлива действуют на его ткани так же, как излучения, исходящие из макроскопических объемов. Но количественное распределение интенсивности облучения оказывается существенно иным и чрезвычайно неравномерным. Каждая “горячая пылинка” по существу представляет собой точечный источник расходящихся в трехмерном пространстве α -, β - и γ -излучений всех содержащихся в ней радионуклидов. При этом плотности испускаемых ею потоков α - и β -частиц в пределах их пробега и, следовательно, локальные интенсивности облучения ею окружающих тканей, изменяются в первом приближении обратно пропорционально **квадрату** расстояния от нее.

На сегодняшний день ведущими дозообразователями являются корпускулярные излучения – β -излучения цезия-137 и стронция-90 и α -излучения различных изотопов плутония. Поскольку β -распад стронция-90 не сопровождается γ -излучением, этот радионуклид не обнаруживается приборами, регистрирующими γ -лучи, исходящие из живых организмов, почвы и т.д. Вместе с тем, содержание стронция-90 в выброшенном топливе, его период полураспада, интенсивность и энергия его β -излучения

весьма близки к таковым для цезия-137. Усредненная по сферической области β -облучения радиусом порядка 2-3 мм интенсивность последнего находится – в зависимости от размеров источника – в пределах от долей миллирада до десятых рада в час. Но локальная интенсивность облучения клеток, непосредственно прилегающих к "горячей пылинке", может достигать огромных величин: нескольких тысяч рад в час как по α -, так и по β -излучению. Такие излучающие пылинки топлива, образно говоря, можно считать как бы сверхмикроскопическими ядерными реакторами с мощностями порядка миллиардных долей ватта и менее, вкрапленных в живую ткань.

На малых расстояниях от источника плотность потока фотонов γ -излучения в первом приближении также обратно пропорциональна квадрату расстояния от него. В пределах пробега α - и β -частиц действие γ -лучей на ткань многократно слабее, а на больших расстояниях вообще ничтожно. Поглощение γ -лучей в тканях сказывается на расстояниях порядка нескольких сантиметров от источника, и там их интенсивность составляет уже доли микро-рентгена в час. Качественная картина распространения α -, β - и γ -излучений из инкорпорированного в ткани сферического источника представлена на фиг. 1 (в логарифмическом масштабе на стр. 27).

Таким образом, вокруг каждой стационарно инкорпорированной "горячей пылинки" частично отработанного реакторного топлива возникает сферический (полусферический), диаметром в несколько миллиметров, участок непрерывно поддерживаемого β -облучением внутреннего радиационного ожога, характер которого меняется с расстоянием от источника. При большом количестве инкорпорированной "горячей пыли" эти участки могут налагаться друг на друга, образуя протяженные области внутреннего радиационного ожогового поражения. При этом общая интенсивность радиации даже многих тысяч таких "горячих пылинок" может оказаться далеко не достаточной, чтобы вызвать симптомы "классической" ОЛБ. И сигналом неблагополучия, таким образом, является слабое собственное γ -излучение, исходящее изнутри инкорпорировавшего "горячую пыль" организма.

Подобного рода внутренние радиационные ожоги, по-видимому, изучены меньше, чем внешние или лучевая болезнь, но их последствия представляются достаточно грозными.

О каких "пороговых" усредненных 10, 20, 35 или 100 бэрах (и какого именно вида излучения) в таком случае имеет смысл говорить? Вывод может быть только один: люди, испускающие даже слабое собственное γ -излучение, обнаружимое на естественном фоне,

должны рассматриваться как лица, относящиеся к группам повышенного риска, и систематически наблюдаться и обследоваться.

В первые дни катастрофы, когда ведущими дозообразователями были короткоживущие радионуклиды ксенона, йода, нептуния и др., интенсивность β -излучения радиоактивной пыли была по меньшей мере на два порядка больше нынешней. Такая инкорпорированная пыль могла достаточно быстро вызывать тяжелые радиационные ожоги во всей области β -облучения. Оказавшиеся на пути дрейфа и оседания образовавшегося при взрыве реакторного топлива густого первичного пылевого облака люди могли за несколько часов инкорпорировать десятки тысяч, если не больше "свежих" "горячих пылинок", в том числе размером и более 20 микрон – так что испускаемое ими γ -излучение пугало выдавших виды радиологов. А необратимые поражения больших объемов внутренних тканей могли развиться за считанные недели, а то и дни.

Не этим ли объясняется поразительное совпадение числа "ошибочно госпитализированных" по поводу лучевой болезни у маститого ученого и весьма осведомленного администратора Воробьева и числа погибших в первые дни и недели после катастрофы – у самостоятельного разведчика Герашенко?¹²

Знали ли те, кто руководил "ликвидацией" последствий чернобыльской "аварии", и их научные консультанты из Института Биофизики Минздрава бывшего СССР и тому подобных учреждений, какую опасность представляет пыль выброшенного из реактора топлива и в чем она проявляется? Конечно же, знали. Иначе зачем бы стали "ликвидаторам" выдавать "лепестки", а умерших от радиационных поражений "нестандартного" характера – запрядали вскрывать? Другое дело, что против мелкой пыли – а она-то и держится подолгу в воздухе – такие "лепестки" недостаточно защищали органы дыхания, а глаза и уши и вовсе оставляли открытыми. Ну, а респираторы положены были только пожарным (и то не всем) и военнослужащим некоторых соединений.

Поняли ли советские специалисты и когда именно, в чем суть чернобыльской катастрофы? И как они ее тогда объясняли?

Ю.Щербак приводит в упомянутой выше книге следующие высказывания крупного специалиста в области ядерной технологии В.Жильцова:

"...К пятому мая у нас уже была совершенно определенная версия (Какая? – С.Т.)... Была проделана огромная работа – компьютеры в нашем институте (ИАЭ им. Курчатова) работали круглосуточно. Только на анализ этой аварии наши ЭВМ, вся мощь нашей техники, работали две недели непрерывно, круглые сут-

ки... Просчитывали десятки, может быть, сотни вариантов... к 15 мая мы уже имели основательное представление об аварии с точки зрения **физики** (выд. С.Т.), техники, человеческого фактора. ...Окончательную картину получили к 30 мая..."

Какую же?

Вот что написано на этот счет в "Информации", переданной МАГАТЭ: "...раздались последовательно два взрыва, над четвертым блоком взлетели какие-то горящие куски и искры, часть из которых упала на крышу машинного зала и вызвала пожар" ("Информация", стр. 24).

Один, видимо, первый взрыв, объясняется так (там же, стр. 30): "...снижение расхода воды через технологические каналы реактора в условиях роста мощности привело к интенсивному парообразованию, а затем к кризису теплоотдачи, разогреву топлива, его разрушению, бурному вскипанию теплоносителя, в который попали частицы разрушенного топлива, резкому повышению давления в технологических каналах, их разрушению и тепловому взрыву, разрушившему реактор и часть конструкций здания и приведшему к выбросу активных продуктов деления во внешнюю среду". Что же это за "тепловой" взрыв?

Чуть ниже говорится о "разрыве технологических каналов". Значит разрыв труб циркуляционного контура? Взрыв, подобный взрыву парового котла? Что же выбросило наружу такую массу топлива и графита? Пар?!

Ну, а как объясняется второй взрыв?

"Парообразование и резкое повышение температуры в активной зоне создали условия для возникновения парциркуляционной и других химических экзотермических реакций. Их проявление в форме фейерверка вылетающих раскаленных и горячих фрагментов наблюдали очевидцы.

В результате этих реакций образовалась содержащая водород и окись углерода смесь газов, способная к тепловому взрыву при смешении с кислородом воздуха. Это смешение могло произойти после разгерметизации реакторного пространства" (там же, стр. 30).

Таково это, просчитанное в течение двух недель круглосуточной работы всей компьютерной мощи ИАЭ АН СССР (в десятках вариантов!) "основательное представление об аварии с точки зрения физики". И не только физики, но даже химии!

И как эта "Информация" была воспринята МАГАТЭ?

Ю.Щербак цитирует в своей книге, следующую выдержку из "Итогового доклада Международной консультативной группы по ядерной безопасности на совещании по рассмотрению причин и последствий аварии в Чернобыле" (Вена, 30 августа – 5 сентября 1986 г., стр. 4-

5):

"...Непрерывное повышение реактивности вследствие парообразования привело к мгновенному критическому скачку мощности. Советские эксперты рассчитали, что первый пик мощности достиг 100-кратного превышения номинальной мощности в течение 4 секунд.

Энергия, высвободившаяся в топливе в результате скачка мощности, внезапно разорвала часть топлива в мелкие куски. Механизм этого разрыва хорошо известен из экспериментов по программе исследований в области безопасности. Мелкие частицы раскаленного топлива (возможно, также испарившееся топливо) привели к паровому взрыву".

Значит "тепловой взрыв" признан "паровым". И таким мощным, что "Выделение энергии сдвинуло 1000-тонную защитную крышку реактора и привело к тому, что были срезаны все каналы охлаждения по обеим сторонам активной зоны реактора. Через две-три секунды был услышан второй взрыв (какой? чего? – С.Т.), и горячие куски реактора были выброшены из разрушенного здания". Комментарии, пожалуй, излишни.

В 1989 году ж-л "Новый мир" при поддержке покойного ныне акад.Сахарова смог опубликовать интереснейшую статью инженера-атомщика Г.Медведева "Чернобыльская тетрадь", содержащую огромное количество правдивой информации о чернобыльских событиях. И автор статьи, и, разумеется, акад. Сахаров прекрасно понимали всю динамику катастрофы 4-го блока ЧАЭС и какие в нем происходили взрывы. Статья полна прозрачных намеков, но точку над "i" в этом вопросе им поставить не дали.

И Ю.Щербак тоже прекрасно понимает, что скрывается за принятой МАГАТЭ абракадаброй о ходе катастрофы реактора, но в книге, изданной до "путча" и развала СССР, и он не может назвать самое главное своим именем. Он, правда, спрашивает начальника комплексной экспедиции ИАЭ И.Камбулова: "...Можно ли совместить официальную точку зрения о выбросе всего семи процентов топлива (? – С.Т.) с той ужасной картиной взрыва и пожара, которая нам известна?.. В странном ответе Камбулова на этот счет имеется одна фраза: "По-видимому, был локальный взрыв – может быть, и не один..." Опять: взрыв чего и какой???

Признать открыто факт **ядерного** взрыва реактора значило в конечном счете признать и общий объем катастрофы, и масштаб пылевого выброса, и вызванных им специфических радиационных поражений огромной массы людей. Это означало полное банкротство всей технической политики атомного военно-промышленного комплекса бывшего СССР и связанных с этим комплексом структур и, есте-

ственно, бесславный конец карьеры большинства его руководящих деятелей – той самой “атомной мафии”, о которой Ю.Щербак писал в конце своей книги: “...еще будут названы имена тех, кто принимал решения о блокировании информации, кто пытался скрыть аварию и ее последствия, кто несет ответственность перед народом нашим, перед нашими детьми. Если не судом людским, то судом Божиим, высшим судом истории будут сурово покараны презренные эти прислужники лжи”.

Очень даже понятно, почему они так ожесточенно отстаивали именно этот ключевой бастион секретности.

6-го июня 1992 года телевизионная компания “Останкино” показала отрывки из фильма “Чернобыль”.

Этот телефильм, снятый в 1991 году, тогда к показу советским гражданам был запрещен, но – продан в Германию. Потом германские инстанции разрешили телекомпания “Останкино” показать часть этого фильма гражданам СНГ.

В безлюдной Припяти растения не вымер-

ли. Они мутируют, но жизнеспособности, видимо, не теряют. Даже на ЧАЭС одно растение видится прямо между блоками саркофага, скрывающего 4-й блок. Скрывающего ли? Оказывается, работавшие в зоне сильнейшего облучения (порядка 100 рентген в час) строители-ликвидаторы в спешке ставили бетонные блоки, оставляя между ними огромные зазоры и проемы. Общая площадь дыр составляет 1000 м².

Но самое страшное – внутри блока. Поврежденные взрывом конструкции время от времени обваливаются, вздымая массу радиоактивной пыли размером от долей микрона до нескольких микронов. Пыль оседает очень медленно, а сквозняки выдувают ее наружу. Откуда взялось такое количество радиоактивной пыли?

Впервые для бывшего подсоветского слушателя официальный источник информации выдал-таки сакраментальное:

“Возможно, в реакторе произошел ядерный взрыв”.

Наконец-то!..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В дальнейшем – ЧАЭС.

² В дальнейшем – “Информация”.

³ В дальнейшем – ОЛБ.

⁴ В дальнейшем – радионуклиды.

⁵ Биологический эквивалент рентгена.

⁶ В изданных в 1960-х гг. советских справочниках приводятся в качестве допустимой дозы 0,3 рентгена в неделю, т.е. 15,5 рентгена в год. А современные американские нормы разрешают в качестве максимальной дозы лишь 5 бэр в год при облучении всего тела, но допускают 30 бэр при облучении кожи и 75 бэр при облучении конечностей (Encyclopedia Americana, v. 23, p. 143; 1984).

⁷ Рад – мера поглощения различного рода излучений, равная 100 эрг на грамм вещества поглощающей среды. Для γ -лучей 1 рад – 1,2 рентгена.

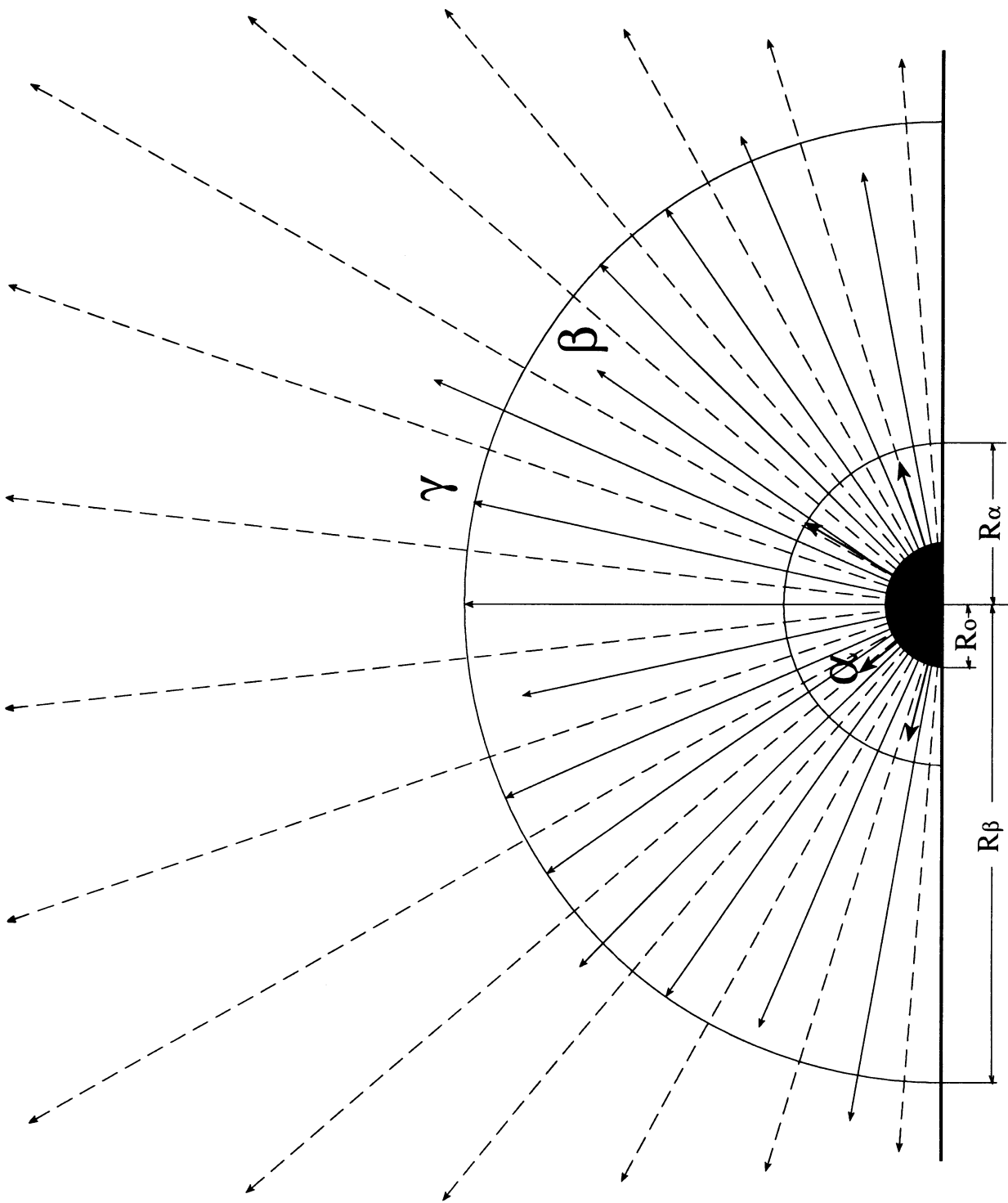
⁸ Насколько “слаборадиоактивный”? Ю.Щербак в упомянутой выше книге как бы невзначай сообщает: “...годовой “нормальный” выброс АЭС составляет не более 300 кюри”. Вспомним: в 1979 г. в США произошла получившая широкую огласку во всем мире авария АЭС на “Трехмильном острове” (после этого надолго закрытой). В результате этой аварии в атмосферу было выброшено около 15 кюри радионуклидов иода и примерно столько же радионуклидов криптона и ксенона (быстро рассеявшихся в атмосфере и расплавившихся) – количества, соответствующие, выходит, “нормальному” выбросу советских АЭС за полтора месяца, если не меньше.

⁹ Этому есть много прямых и косвенных доказательств. Наиболее наглядное – чрезвычайно яркая вспышка, зарегистрированная американским спутником, предназначенным для обнаружения запусков ракет. Некоторые очевидцы сравнивают ее по цвету с разрядом в лампе-фотовспышке, цветовая температура которого составляет несколько тысяч градусов. Ни выброс пара из циркуляционной системы, ни взрыв гремучих газовых смесей (см. “Информацию”, стр. 30) не могли бы дать такой световой вспышки.

¹⁰ Г.Медведев, “Чернобыльская тетрадь”. “Новый мир” №6, 1989. Москва.

¹¹ Из общего количества около 2,4 т., соответствующего приведенной в “Информации” (стр. 20) средней глубине выгорания топлива, составлявшей на день катастрофы 10,3 Мвт. сут/кг.

¹² Характерно, что тогдашнее советское руководство, не склонное, как и предшествующие, дискутировать с эмигрантами (чтобы не создавать им рекламу), лишило И.Герашенко советского гражданства, а по телевидению со злобными, но слабо доказательными, опровержениями его сообщений выпустил действительный член АМН тогдашнего СССР Петров.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы предоставляем вниманию читателя две статьи, которые печатаем в порядке дискуссии. В отношении статьи А.Федосеева мы хотим указать на следующее: А.Федосеев подробно и пространно, по нашему мнению, слишком пространно, объясняет пользу приватизации и под конец перечисляет ряд законов, которые следовало бы принять. Но он не указывает главного: каким образом можно было бы принять эти законы. Мы знаем, что правительство и сам президент вносили на рассмотрение Верховного совета многие законы по приватизации, но почти все они были отклонены все еще преимущественно коммунистическим советом. Указы президента тоже большей частью Советом не подтверждаются. Самое страшное это то, что Верховный совет два раза зарезал закон о купле и продаже земли. Земельная реформа, задуманная в начале этого года, не двигается с места. Президент Ельцин в недавнем интервью признал: "Перевести на рыночные отношения сельское хозяйство оказалось наиболее сложной проблемой. И в общем-то пока у нас эти рыночные механизмы на селе или не действуют или действуют очень плохо...", "Русская мысль" от 28 августа 1992 г. Пока нет закона о земле, они и не будут действовать. А как с этим составом Верховного совета можно принять хороший закон? И неужели надо ждать еще 4 года до следующих выборов совета, чтобы что-либо сдвинуть с мертвой точки?

Как статья А.Федосеева, так и статья В.Тарасова из Минска ничего об этом не говорят. В.Тарасов спрашивает в своей статье, что мешает Ельцину сделать то или иное? Ответим: мешает Верховный совет. Кстати, отчего даже человек, живущий в Белоруссии, спрашивает с российского президента, отчего он не напишет, что делают Шушкевич и белорусский Верховный совет? Нам было бы это очень интересно.

Мы упомянули о будущих выборах. Но по какой конституции они будут проходить? Неужели снова по штопанной, перештопанной брежневской конституции? Съезд народных депутатов России в апреле, еще более коммунистический, чем Верховный совет, не принял новой конституции. В октябре снова съедутся те же депутаты, снова будет представлен проект или проекты новой конституции – и он их все снова отвергнет? Так куда же? Кстати, наш запоздавший номер журнала выйдет в свет уже после этого съезда, читатель сможет сам судить, что на нем произошло.

В передовой №65 "Разбуженная Россия" мы предлагали референдум по вопросу о новой конституции и по земельному вопросу. Для того, чтобы референдум мог быть объявлен, надо собрать миллион голосов. Когда я была в июне этого года в Петербурге, демократы говорили мне, что они начинают собирать эти голоса. Я спросила, отчего же они только начинают? Национал-коммунисты уже давно собирают голоса для референдума о снятии с поста президента Ельцина. Мне ответили, что много они все равно не соберут. Это-то верно: я проходила не раз по Невскому мимо того места, где был этот сбор и где собирались национал-коммунисты и "патриоты", и всегда там была маленькая группка и все одни и те же лица. Ни разу я не видела, чтобы кто-нибудь подошел и дал свою подпись. Но и со сборами демократов что-то, как кажется, затормозилось. По крайней мере, ничего об этом последнее время не слышно.

Даже принятые законы часто тормозятся на месте. Конечно, не везде в одинаковой мере и по всем отраслям. Успешнее всего идет приватизация жилья, но ведь основной экономики страны она не касается. Торговля в иных областях довольно широко приватизирована, в других совсем нет, что касается торможения и саботажа на местах, то С.Шахрай рассказал в интервью "Литературной газете" №35 (5412), какой был план сломить саботаж на местах: "У нас возникло предложение – другого нет и не может быть в этой стране: давайте замкнем всю цепочку управления. Если не выполняются законы России и указы президента, то наступает четкая, формализованная ответственность в виде штрафов. Но штрафы крутые. То есть человек не попадал бы за решетку, но подвергался бы взысканию, терял бы свою должность. Однако осуществить это нам не удалось. Хасбулатов, министр юстиции Федоров, я думаю, по каким-то причинам, возможно, без политического контекста, провалили этот законопроект, и мы до сих пор не имеем возможности применить какие-либо санкции за нарушение российского законодательства". Что Хасбулатов провалил, понятно: этот крайне честлюбивый человек видит перед собой только одну цель: как-нибудь прорваться к власти, а какой ценой для страны и народа, это безразлично. Но что это за министр юстиции, который потворствует нарушителям российского законодательства? И почему он все еще министр?

В упомянутом нами интервью президента Ельцина, напечатанном в "Русской Мысли", Ельцину задают вопрос, как он относится к Учредительному собранию, которое приняло бы конституцию, т.к. съезд народных депутатов ее наверное не примет. Ельцин отвечает, что Верховный Совет может принять проект конституции с 16-ю поправками президента. И дальше: "Сомневаюсь, чтобы принял съезд, в этом я с вами согласен, потому что в проекте нет места съезду. Мы договорились, что в сентябре, когда на Конституционной комиссии мы будем голосовать – за этот проект конституции, то мы определим порядок принятия. И мы не исключаем, что это пойдет через Учредительное собрание". Я пишу эти строки в начале сентября. Ждать уже недолго, и читатель будет уже знать, что произошло, когда этот номер выйдет в свет. Одно ясно: дальше тянуть с конститу-

цией, с законами о земле, с радикальной приватизацией – хотя бы с ее началом – нельзя.

Так вот, вместо того, чтобы разъяснять нам то, что мы все уже и так знаем, а именно, что нужна приватизация, причем не только торговли и мелких предприятий, но прежде всего земли, а потом и крупной промышленности, также и ВПК, наши авторы лучше сказали бы нам, как, по их мнению, можно преодолеть сопротивление теперешних законодательных органов и сопротивление на местах. Самое главное, как избавиться от теперешнего Верховного совета и народных депутатов, как протолкнуть новую конституцию и закон о земле.

А. ФЕДОСЕЕВ

Для собственной, личной пользы прочтите все до конца и внимательно. Не пожалейте. Социализм есть причина всех бедствий страны, а госсобственность есть вся суть социализма со всеми его следствиями.

ПОКА ТРУДЯЩИЕСЯ НЕ НАЧНУТ ЗАИНТЕРЕСОВАННО “ВКАЛЫВАТЬ”, ИЗ КРИЗИСА НЕ ВЫЙТИ

Большинство жителей планеты думает, что экономика управляется сложными расчетами очень умных людей. В действительности вся экономика действует по законам личного интереса и здравого смысла даже не правителей, а именно масс рядовых людей. Расчеты нужны только для подсчета, сколько следует выпустить денег, как рассчитать госбюджет и т.п. Как только расчеты начинают противоречить здравому смыслу населения, вся математика и статистика экономической науки вылетают в трубу и становятся совершенно бесполезными.

В чем суть нашего кризиса? В том, что населению и трудящимся страны не хватает производимых трудящимися же (учеными, инженерами, ремесленниками, крестьянами, рабочими, работниками торговли, транспорта, образования, литературы, искусства и т.д.) пищи, электричества, бензина, тепла, огромного множества предметов и услуг потребления. А когда трудящиеся все меньше и меньше производят, цены, понятно, взлетают к небесам. Почему же трудящиеся так поступают? Потому что организация их труда плоха и ухудшается, а сами они в труде и в его организации материально и духовно не заинтересованы, так как им приходится продолжать, как и раньше, работать не на себя, а “на дядю”, так как 90-95% экономики в собственности социалистического “дяди”, т.е. нынешнего, все еще всемогущего собственника-государства. Простой здравый смысл и инстинкт выживания диктует трудящимся именно такое поведение при всем их патриотизме и желании добра для себя и страны. Всем, как и прежде, все “до лампочки”, “не до жиру, быть бы живу”. Это было причиной крушения социализма и продолжает быть причиной нынешнего углубляющегося кризиса все еще СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО управления. А неизбежный дальнейший развал этого социалистического управле-

ния все усугубляет и еще значительно больше.

Только ликвидировав государственную собственность, можно пустить в действие мощнейший трудовой и творческий стимул материального и духовного ЛИЧНОГО интереса полутора сотен миллионов трудящихся и побудить их заработать в полную силу. Только эта огромная сила способна создать материальное и духовное изобилие, сделать зарплаты полновесными и высокими, материально и духовно обогатить страну. Чем? Свободным трудом свободного населения. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Ликвидируйте ВСЮ госсобственность и от кризиса не останется и следа, буквально, в полгода.

Как побуждают трудящихся работать на Западе? Создают КОНКУРЕНТНЫЙ рынок рабочей силы с помощью достаточно большой БЕЗРАБОТИЦЫ. Больше безработица, меньше аппетиты трудящихся на высокие зарплаты и всякие привилегии и больше трудовая отдача. Как устроить безработицу? Придушивают экономику высокими процентами за кредит и налогами. Это вызывает рост банкротств, рецессию и соответствующий рост безработицы. Это усиливает конкуренцию на рынке труда, тормозит рост зарплат, повышает продуктивность труда и тем снижает инфляцию.

Инфляция ведет к хаосу в финансовых расчетах, и она, а НЕ безработица, есть ГЛАВНЫЙ враг капитализма. Поэтому, как только экономика “перегрелась”, т.е. безработица слишком уменьшилась, лишая правительство важного рычага управления зарплатами и желанием трудящихся трудиться, экономику “охлаждают”, придушивая ее и увеличивая КОНКУРЕНЦИЮ между трудящимися на рынке труда. (Ниже я покажу, что есть другой способ управлять зарплатами даже при полной занятости, т.е. не создавая массовой безработицы). Придушивание “перегретой” экономики приводит на Западе только к рецессии, но не к кризису, и изобилие товаров и услуг в стране остается. Экономика остается достаточно сильной, чтобы обеспечивать нужды всего платежеспособного населения.

Здравый смысл должен читателю подсказать, что при УЖЕ разваленной в нашей стране экономике, УЖЕ находящейся в глубоком КРИЗИСЕ, западный способ регулирования зарплат НАМ совершенно НЕ пригоден. Создание безработицы у нас совершенно бессмысленно, так как безработица ЕЩЕ понизит производство, а инфляция у нас растет не потому,

что НЕОПРАВДАННО РАСТУТ ЗАРПЛАТЫ, А ПОТОМУ, ЧТО СНИЖАЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО. У большинства населения зарплаты, при всем их росте, НЕ ПОСПЕВАЮТ ЗА ЦЕНАМИ, ТАК КАК ПРОИЗВОДСТВО ПРОДОЛЖАЕТ СНИЖАТЬСЯ И ВЫЗЫВАЕТ НЕУДЕРЖИМЫЙ РОСТ ЦЕН. В таких условиях понижать зарплаты для уменьшения инфляции с ПОМОЩЬЮ БЕЗРАБОТИЦЫ абсурдно. Нужно поднимать производство. Наша экономика не "перегрета", а совсем "заморожена", не работает.

Пренебрежение к здравому смыслу ведет и к попытке удовлетворить требования наших западных кредиторов: резко "оздоровить" государственные финансы, увеличив доходы государства и уменьшив дефицит госбюджета; резко уменьшить инфляцию и ввести свободную конвертируемость рубля. Дело, однако, в том, что здоровые финансы у государства НЕВОЗМОЖНЫ БЕЗ ЗДОРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, КОТОРОЙ У НАС НЕТ. Наша инфляция не может исчезнуть ПОКА ПРОИЗВОДСТВО ТОВАРОВ И УСЛУГ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ В ТАКОМ УПАДКЕ. Свободную конвертируемость рубля нельзя ввести НИКАКИМИ декретами пока не ликвидирована инфляция и пока рубль НЕ обеспечен производством товаров и услуг в достатке. Кому интересно менять свои деньги на быстро обесценивающийся рубль, не обеспеченный товарами и услугами? Польша уже несколько лет тоже пренебрегает здравым смыслом населения в своих реформах и после всех многолетних "шоковых лечений" по абсурдным западным рецептам злотый остается "деревянным", инфляция не исчезает, производство продолжает падать, безработица продолжает расти, население расщепляется на меньшинство "богатых и здоровых" и большинство "бедных и больных".

Требования Запада ведут к тому, что наши правители вместо ПООЩРЕНИЯ экономики ГРАБЯТ и экономику и трудящихся налогами, поборами и враждебными к экономике законами настолько, что у трудящихся даже остаток желания поработать исчезают.

Спрашивается, наши правители совсем лишились ЗДРАВОГО СМЫСЛА? Нет. Чтобы поднять экономику, нужно трудящимся передать в собственность все средства производства и землю, а также обеспечить им законами охрану их частной собственности на средства труда, землю, и плоды труда. Только таким образом можно пустить в действие мощнейший стимул творческого труда – личный ("эгоистический") интерес. (В кавычках потому, что он, обогащая каждого, обогащает все государство). Но это значит, правителям нужно лишиться их огромной власти над людьми и страной, которая обеспечена им сейчас, когда 90-95% народного хозяйства (и, следовательно, труда и плодов труда населения) все еще

остается в государственной собственности, т.е. в полном распоряжении правителей. Понятно, что они боятся лишиться этой огромной власти и даже считают, что у них ее недостаточно. (Правильно считают, так как никакая самая большая власть не сможет остановить продолжающийся развал ПРЕЖНЕГО социалистического хозяйства, т.е. господства госсобственности). Получается, что здравый смысл у правителей один, а у населения другой. Вот и не дают правители свободы деятельности населению, углубляя кризис, но оставляя себе огромную и, ясно, очень вредную власть над страной.

Требования Запада тоже не выдерживают испытания ЗДРАВЫМ СМЫСЛОМ НАШЕГО НАСЕЛЕНИЯ. У Запада тоже есть его собственный здравый смысл. Он заботится о своих интересах, как наши правители о своих. Западу нужно вернуть ВСЕ деньги, которые он дал бы нам, да еще С ПРОЦЕНТАМИ. Правительства Запада (и капиталисты) не могут рисковать потерять свои деньги, а риск очень большой. Россия до сих пор не может не только вернуть гигантскую сумму в 70 миллиардов долларов, данную Западом в долг СССР, но даже не платит ежегодные проценты порядка 3-4 миллиардов долларов. (СССР казался Западу тогда надежным и прочным, чтобы платить по долгам. Они и Китаю сейчас дают в долг, считая, что риска нет). Однако, чтобы кредитовать нас, им нужно быть идиотами: наша экономика не стабильна и не платежеспособна. Когда она ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМ ТРУДОМ НАШЕГО ОГРОМНОГО НАСЕЛЕНИЯ СТАНЕТ СТАБИЛЬНОЙ И ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОЙ, тогда и кредиты нам не очень-то будут нужны. Рассчитывать на СУЩЕСТВЕННЫЕ кредиты от Запада сейчас бесполезно. Он нам их не даст.

Чтобы выйти из кризиса, нужно, повторяю, материально и духовно заинтересовать 159 миллионов наших трудящихся в их труде, а это ТЕПЕРЬ НЕВОЗМОЖНО БЕЗ ПЕРЕДАЧИ ВСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОЛЛЕКТИВНУЮ И ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ САМИХ ТРУДЯЩИХСЯ. НУЖНО ТАКЖЕ ПРЕВРАТИТЬ ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ТРУДЯЩИХСЯ В ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ЧАСТНЫХ СОБСТВЕННИКОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ФЕРМЕРОВ. Все и уперлось в госсобственность, т.е. в полутруп социализма. Этот полутруп все и душит. Его нужно полностью похоронить, но правители боятся потерять большой кусок власти, который им этот полутруп обеспечивает. Нужно чтобы восторжествовал здравый смысл именно населения, а не правителей или Запада. Теперь даже чудо полного возвращения социализма или создание диктатуры государства с очень "твердой рукой" НЕ СМОГУТ ЗАСТАВИТЬ трудящихся

даже так “вкалывать”, как они “вкалывали”, выполняя больше “за страх”, чем за совесть, сталинские пятилетки. Только полная ликвидация государственной и колхозной собственности и полная свобода творческого труда всего населения в свою личную пользу есть ЕДИНСТВЕННЫЙ возможный путь к материальному и духовному процветанию нашей страны, ЕДИНСТВЕННЫЙ для нее путь к переднему краю цивилизации.

ПРИЧИНА ДРАКИ ЗА ВЛАСТЬ МЕЖДУ ЗАКОНОДАТЕЛЯМИ И ИСПОЛНИТЕЛЯМИ

Почему исполнительная и законодательная власть дерутся между собой, увеличивая развал? Потому что 90-95% народного хозяйства все еще находятся в государственной собственности. У государственной собственности может быть только один, монопольный хозяин-государство. Государственная собственность не терпит нескольких хозяев. Представьте себе предприятие, в котором два независимых директора. Или автомобиль с двумя независимыми водителями. Один дает одну команду, другой – другую. Что может делать персонал предприятия или автомобиля? Выполнять приказы одного директора или водителя и не выполнять приказы другого; выполнять тот приказ, который более выгоден персоналу или автомобилю; наконец, не выполнять никаких приказов. Социалистическое государство (т.е. государство госсобственности) в смысле управления представляет собой полное подобие (в гигантском масштабе всей огромной страны) промышленному предприятию или автомобилю. Оно может воспринимать только один набор приказов, исходящий от ОДНОГО хозяина. Разве возможно нормальное управление госсобственностью, если бы приказы для государственности исходили бы одновременно и НЕЗАВИСИМО от Хрущева и от Сталина? Конечно нет. Ведь для НЕОБХОДИМОГО единства управления Сталину и ПРИШЛОСЬ ликвидировать всех соперников, чтобы все команды исходили из одного центра. ЕДИНОЕ (плановое) управление ЕДИНОЙ государственной собственностью есть СУТЬ СОЦИАЛИЗМА. Из факта господства госсобственности, как сути социализма, вытекают все материальные и духовные свойства социализма. Госсобственность есть единственная причина краха социализма и всех его, унаследованных нами нынче бедствий.

Когда командуют одновременно и В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ исполнительная и законодательные власти, ясно, что госсобственность или автомобиль становятся неуправляемыми. Госсобственности, как автомобилю, нужна диктатура и единственная твердая рука. При госсобственности НИКАКОЕ САМОЕ ХОРО-

ШЕЕ разделение властей невозможно. В драке исполнительной и законодательной власти они сами НЕ виноваты. Виновато господство госсобственности в нашей стране. Оно не терпит разделения властей.

Ликвидируйте государственную собственность, превратив ее во множество коллективных или частных собственности, тогда могут командовать столько командиров, сколько есть предприятий. Каждое предприятие будет слушать одного своего директора и действовать ВПОЛНЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНО в соответствии с его командой. Приватизируйте ОДНОВРЕМЕННО И НЕМЕДЛЕННО ВСЮ госсобственность, исчезнет объект драки за власть и у законодателей и у исполнителей. Законодательной власти придется заниматься законами, исполнительной власти придется осуществлять законы, а судебной власти судить по закону. Всем трем придется отвечать перед населением, а не наоборот, как сейчас, когда государство командует населением, как слон в посудной лавке разрушая созидательные силы населения и страну. У разделенных, без госсобственности, властей не будет другого выбора, как заниматься каждой СВОИМ делом.

БЕЗ ВСЕОБЩЕЙ ПРИВАТИЗАЦИИ НОРМАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЛАСТЕЙ НЕВОЗМОЖНО.

ПОЧЕМУ НУЖНА ОДНОВРЕМЕННАЯ И НЕМЕДЛЕННАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ

НЕМЕДЛЕННАЯ нужна потому, что продолжение нынешнего хаоса чрезвычайно опасно превращением России в арену вооруженной борьбы за власть между несогласными друг с другом группами правителей и населения. Опасно и возможностью фашистской диктатуры. ОДНОВРЕМЕННАЯ И ПОЛНАЯ нужна потому, что госсобственность и частная или коллективная собственности требуют совершенно разной структуры ГОСУДАРСТВЕННОГО управления: госсобственность требует централизации и одного хозяина; коллективная и частная собственности требуют экономической независимости от государства. Законы, необходимые для деятельности частной собственности и госсобственности, ПРЯМО ПРОТИВОПОЛОЖНЫ ПО СОДЕРЖАНИЮ. Поэтому оставлять смесь типа одна “лошадь” госсобственности и один “рябчик” частной или коллективной собственности значит продолжать и увеличивать раздел производства и хаос неуправляемости, значит вести к неудержимому росту цен, безработицы, бюджетного дефицита, так как в этом случае экономика, болеющая госсобственностью, НЕ МОЖЕТ стать здоровой и эффективной.

Самое же главное обстоятельство в том, что ТОЛЬКО полностью частная свободная

экономика обязательно с КОНКРЕТНЫМ рынком может реализовать созидательные таланты и способности КАЖДОГО гражданина, может тем реализовать огромную производительную мощь всего населения и тем НАДЕЖНЕЕ И СКОРЕЕ вывести страну в процветание и в ряд передовых государств мира.

Правители и Народные депутаты могут быть абсолютными гениями, но они одни, своими силами этого достигнуть НИКОГДА не смогут. Нужно дать творческую свободу каждому гражданину и всему населению, а без полной ликвидации госсобственности такая свобода НЕосуществима. КОНКУРЕНЦИЯ без ликвидации госсобственности тоже невозможна. Не может один хозяин (государство) конкурировать сам с собой. Это был бы абсурд. А рынок БЕЗ КОНКУРЕНЦИИ ПЕРЕД НАСЕЛЕНИЕМ бесполезен, так как служить чудесным механизмом управления экономикой населением и в пользу населения он будет не в состоянии.

К несчастью, наши правители и Народные депутаты имеют слишком мало надежной экономической информации и опыта, предпочитают "тянуть резину" и, в лучшем случае, следуют обывательскому и неверному в данном случае правилу ПОСТЕПЕННОСТИ. Представляете себе, как хирург делал бы вам операцию ПОСТЕПЕННО, медленно по сантиметру разрезая ткани, растягивая операцию на многие дни и недели? Наши правители растянули мучения уже на 6 лет и собираются растянуть их еще на 3 года, а в действительности на десятилетия. Если же господство госсобственности останется, из состояния нищеты никогда не выйти.

Англия после Второй мировой войны, как и множество других государств мира, находившихся под давлением идей социализма, выкупила на государственные деньги в государственную собственность "командные высоты" народного хозяйства. Как и все государства, Англия быстро почувствовала неэффективность, убыточность и монополизм (исключающий совсем благо КОНКУРЕНЦИИ) госсобственности и НЕУПРАВЛЯЕМОСТЬ СМЕСИ. Госсобственность управлялась Англией и другими государствами ПО ПЛАНУ (тоже никогда не выполняемому), а остальная собственность управлялась с помощью денег и банков. Англия скоро поняла что социализм ведет к убыткам и следовательно к нищете, а две системы несовместимы и неуправляемы. Пришлось начать ликвидацию ЭТОЙ СМЕШАННОЙ экономики. С тех пор большая часть государств распродала госсобственность в Негосударственные руки, ЛИКВИДИРУЯ СМЕШАННУЮ экономику.

Весьма влиятельный Народный депутат Аркадий Иванович Вольский, сторонник СМЕСИ

"ЛОШАДИ И РЯБЧИКА", утверждает, что СМЕСЬ полезна, ссылаясь, что в Италии, будто бы, 54% экономики представляет госсобственность. Насколько мне известно, только около 30%. Но не в этом дело. В Италии чрезвычайно большой и очень эффективный сектор ЧАСТНЫХ СЕМЕЙНЫХ компаний, мелких, средних, крупных и даже очень крупных (знаменитая и огромная фирма ФИАТ находится в частной собственности семейства Фиат и управляется членами этого семейства). Госсектор Италии просто паразитирует (субсидируемый из государственных налогов) на этом эффективном семейном секторе. "Семейный" сектор есть давнишняя особенность экономики Италии. Имея такой эффективный частный сектор, можно и повременить с ликвидацией убыточного и в Италии госсектора. Поэтому Италия может позволить себе РОСКОШЬ ПОСТЕПЕННОЙ ликвидации СМЕСИ, что она и делает.

Беда с ликвидацией оказалась и в том, что национализировать было для всех государств несравненно легче, чем продавать неэффективные государственные предприятия и огромные государственные корпорации НЕгосударственным корпорациям. Приходилось разукрупнять и ПОДСЛАЩИВАТЬ всякими способами госсобственность (вплоть до незаконных взяток частным корпорациям), вызывая при этом многочисленные нарекания публики, чтобы только с грехом пополам ее продать.

Трудность была и в том, что против приватизации на Западе выступали мощные профсоюзы (им легче было выжимать забастовками именно из государства неоправданно высокие зарплаты: государство трудно разорить и остаться без работы. У частных же забастовок, практически, не было: и зарплаты выше и опасно потерять работу). Против приватизации были и государственные директора (западная номенклатура) и служащие, разлепившиеся на работе типа "не бей лежачего". Как не странно, против была и значительная часть населения, все еще верящая в "настоящий" социализм и ждущая бесплатных пирогов с неба. Однако выхода у правительств не было: или экономическая катастрофа или распродажа госсобственности. СМЕШАННАЯ экономика оказалась для всех государств убыточной и паразитирующей на НЕгосударственном секторе. Особенно трудной оказалась все еще не осуществленная продажа гигантских сетей железных дорог. Даже США до сих пор безуспешно пытаются продать убыточную сеть ж.д. "Амтрак" и не может. Смешанная экономика и стран Южной Африки (Чили, Аргентина, Бразилия) двигалась ко все большей нищете до тех пор, пока эта СМЕСЬ не была почти полностью ликвидирована распродажей в

НЕгосударственные руки.

Без сильного НЕгосударственного сектора СМЕШАННАЯ экономика привела бы и Запад к катастрофе. Оставлять в нашем случае даже СМЕШАННУЮ экономику, значит удерживать нашу страну в нищете на многие годы, пока уже ВСЕМ, включая Аркадия Ивановича, не станет ясно, что СМЕСЬ не работает. Кстати, вся секретная военная промышленность США находится НЕ в государственных руках, выдавая высококачественное вооружение. Военные же секреты становятся еще и коммерческими, и поэтому охраняются много лучше. Государство как покупатель имеет полную возможность ОБЪЕКТИВНОГО контроля частных поставщиков. Когда военно промышленный комплекс находится в руках государства, ОБЪЕКТИВНЫЙ контроль государства государством невозможен и государство может объявить любой свой провал грандиозным успехом, как это было у нас, и драть за него с населения три шкуры.

ПРОДАВАТЬ за деньги то, что КУПЛЕНО за деньги, естественно и справедливо. В нашем же случае продавать то, что было конфисковано, а не куплено, есть то, что делают преступники, продавая награбленное. Кроме того, то, что было создано сверх конфискованного, было создано не государством, а населением. Это значит, что и в этом отношении ПРОДАЖА государством населению незаконна. Да и население наше нищее, и покупка доступна только номенклатурщикам, спекулянтам и мафии, а это добром не кончится. Рассчитывать на покупку иностранцами и трудно и ДОЛГО по уже указанным причинам и означает распродажу нашей страны в чужие руки.

В такой ситуации нужна НЕМЕДЛЕННАЯ И ВСЕОБЩАЯ приватизация за СИМВОЛИЧЕСКУЮ ПЛАТУ в пользу именно трудовых коллективов предприятий и под ответственность за законность приватизации прежних дирекций, имеющих большой организационный и технический опыт. Ведь ликвидировать нужно не технологию, не ее организацию, не накопленный производственный опыт работника, а только юридическое право государства на собственность страны. Прежние, с своим большим опытом коллективы предприятий останутся в работоспособном состоянии и, став независимыми от государственных цепей и диктата, начнут быстро улучшать производство (если конечно не будут задушены опять грабительскими налогами, насильственными госзаказами и всякими удержаниями и отчислениями в пользу государства). Существенно уразуметь, что ОДНОВРЕМЕННАЯ приватизация всей госсобственности позволит сохранить большую часть прежних производственных связей, но уже НАПРЯМУЮ, без Госплана и Госснаба. Если же приватизировать не одно-

временно, связи порвутся, так как одно предприятие будет связано госзаказом и субсидиями с государственным диктатом, а другое будет независимым и действовать через рынок.

Обрисованный выше способ одновременной и всеобщей приватизации ликвидирует госсобственность, не сохранит чрезвычайно ценный и необходимый нам, организационный, производственный и научнотехнический опыт населения в полной силе и действии. Сохранить большую часть производственных связей между предприятиями. ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО.

Раздача сертификатами или акциями госсобственности поровну ("справедливо") всему населению приведет лишь к увеличению разрухи: 1) Собственность останется опять ничейной. Коллективы предприятий не будут полными хозяевами, что немедленно отрицательно скажется на производительности предприятия. 2) Распределение сертификатов будет неизбежно источником хаоса, страшной коррупции и вполне реальной несправедливости. Чрезвычайно замедлит приватизацию, углубив кризис. 3) Сертификаты (ценные бумаги), которые можно продавать, относятся к разряду денег, и они резко увеличат общую массу денег, не имеющей покрытия в товарах и услугах, т.е. резко увеличат инфляцию.

В то же время, передача в ПОЛНУЮ собственность именно коллективам предприятий сохранит также всю имущественную структуру населения НОРМАЛЬНОЙ (справедливой): трудящиеся будут зарабатывать на жизнь и содержать семьи; госаппарат, армия, пенсионеры и другие люди, живущие на госпособия, как всегда и везде, будут жить на государственные налоги; вложения в развитие экономики, как всегда и везде, будут производиться хозяевами предприятий и в их личных, т.е. экономики интересах.

Полученная независимость от государства превратит все коллективы предприятий в гораздо более заинтересованных, чем государственные рабы, производителей, в стражей коллективной собственности, которые защитят свою собственность от внутренних и внешних расхитителей. Безработица не увеличится, как обещают правители, до 4 миллионов к концу 1992 года, а может даже сократиться. Во-первых, можно на 1-2 года, пока экономика не оздоровится, запретить законом увольнения на всех приватизированных предприятиях. Во-вторых, НЕудовлетворенные нужды населения огромны, и их удовлетворение потребует использования всех имеющихся ресурсов труда в стране. Думаю, что через год СО ДНЯ ВСЕОБЩЕЙ И ОДНОВРЕМЕННОЙ приватизации население уже почувствует улучшение. (Более подробно смотрите ниже). БЕЗ ВСЕОБЩЕЙ И ОДНОВРЕМЕННОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ БЫСТРО

ВЫЙТИ ИЗ КРИЗИСА И НАЧАТЬ ПОДЪЕМ ХОЗЯЙСТВА НЕВОЗМОЖНО.

ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ ПОБОИЩ

Что удивляться, что происходят в СНГ непрерывные побоища и множество людей в них гибнет, а имущество людей и экономика разрушаются и еще больше? Так и должно быть. Госсобственность остается в силе и, чтобы ею управлять, нужно единство власти. Все эти дерущиеся группы и борются за эту единственную власть над госсобственностью. (Другой-то нет). Кроме того, и награда для победителя в борьбе исключительно привлекательна и велика. Ведь обладание властью над госсобственностью превращает победителя во властителя, не ограниченного законом, над данной частью страны и над жизнью и смертью ее граждан. ТОЛЬКО ГОСПОДСТВО ГОССОБСТВЕННОСТИ дает ее правителю такую огромную и желанную власть. Социалисты, Ленин и Сталин это превосходно знали и осуществили, истребив для этого 67 миллионов человек.

Кроме того, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ опыт подсказывает людям: если хочешь жить лучше, выбирай себе подходящего ВОЖДЯ. неподходящий вождь может дать лучшую жизнь не тебе, а другим. Поэтому, когда есть борцы за власть над госсобственностью, тогда есть и соответствующие группы населения, поддерживающие того или другого борца за место вождя, и истребляющие друг друга. В Грузии, в Азербайджане, в Чечне, в Осетии, в Приднестровье и других частях СНГ это и происходит. В Югославии такой жестокий и закоренелый госсобственник, как Слободан Милошевич, разрушает страну в борьбе за госвласть и истребляет тысячи и тысячи жителей, не считаясь ни с моралью, ни с правами человека, ни с чем. Заметьте, что это не драка за национальное самоопределение. В Грузии, например, дерутся и грузины между собой, а в Югославии все истребляют всех независимо от национальности.

Представьте себе, что ВСЯ ГОССОБСТВЕННОСТЬ ОДНОВРЕМЕННО ПРИВАТИЗИРОВАНА С САМОГО НАЧАЛА. Никаких побоищ и нигде не началось бы. Когда госсобственности нет, власть государства резко уменьшается. Драться за маленькую власть становится мало привлекательным. Борцы за власть исчезают, побоища исчезают тоже. Поддержка борцам за власть тоже исчезает. Население становится хозяином множества предприятий. Его жизнь и добывание средств существования перестают зависеть от государства и вождя. Кандидаты в вожди оказываются никому не нужными. Население вместо драки начинает заниматься полезным трудом, обеспечивая

себе средства существования. Любая нация в таких условиях тоже имеет полную возможность жить так, как она хочет, по своим традициям и со своим языком. ВСЕ граждане вольны будут жить по своему и им не будет нужды заставлять для этого всех остальных жить на их манер. Поэтому межнациональные и внутринациональные драки станут бессмысленными для всех и исчезнут. Национальный вопрос тоже исчезнет. (Конечно, если государство опять не захватит себе слишком большой власти командовать и стричь всех под одну гребенку, что бывает и в "демократиях"). Всякая база фашизма, как античеловеческой национальной диктатуры, которой сейчас опасается большая часть населения, исчезнет без следа.

БЕЗ ВСЕОБЩЕЙ ПРИВАТИЗАЦИИ ГОССОБСТВЕННОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОБОИЩ И ОПАСНОСТИ ФАШИЗМА НЕ УСТРАНИТЬ.

После тотальной приватизации исчезнут и организованные попытки и устремления изменить существующие границы. Население будет занято продуктивным трудом в свою пользу, и желание увеличивать территорию своего государства ценой новых побоищ у него исчезнет. Оно не будет поддерживать и любых беспринципных вождей, стремящихся к этому. Да и нужда исчезает, так как частная и коллективная собственность автоматически действуют ЧЕРЕЗ И СКВОЗЬ границы, СОЗДАВАЯ ОБЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО. Если бы в Югославии произошла бы раньше всеобщая приватизация, Милошевич не получил бы ни у кого поддержки. Вопрос о границах полностью бы потерял свою остроту и мог бы в будущем решаться мирно. БЕЗ ПРИВАТИЗАЦИИ ПОБОИЩ ПО ПЕРЕСМОТРУ ГРАНИЦ НЕ ИЗБЕЖАТЬ.

СЕПАРАТИЗМ

Тысячи лет для улучшения своей жизни люди нуждались в талантливых и знающих лидерах и руководителях. Информационно-интеллектуальная пропасть между рядовыми гражданами и лидерами тысячи лет была глубока. Тысячи лет и государственные структуры совершенствовались в сторону Централизации, Концентрации, Гигантизации и Монополизации (ЦКГМ) управления. В сторону многослойной иерархии управления. Иначе, НЕМНОГИЕ таланты не могли бы вести МНОГОЧИСЛЕННОЕ население к лучшей жизни. Ясно, что и приоритет во всем должен был принадлежать государству (талантам), а не рядовому гражданину. Права государства ДОЛЖНЫ БЫЛИ БЫТЬ выше прав гражданина. Социализм был высшим завершением многотысячелетней эры ЦКГМ и многослой-

ной иерархии.

Однако после изобретения книгопечатания и других мощных информационных средств информационно интеллектуальная пропасть между рядовыми гражданами и их лидерами в наше время почти исчезла. Оказалось, что любой из граждан имеет способность видеть ошибки руководителей, критиковать их, и даже, часто, подсказывать им правильное решение их задач. Люди из послушных болтиков и винтиков совершенной государственной машины превратились в колоссальное многообразие уникальных и непослушных личностей, каждая из которых могла бы после некоторого опыта и обучения заменить любого лидера. Эра фараонов, монархов, диктаторов, генсеков и даже авторитетов постепенно кончается. Для повзрослевшего населения нужны теперь совершенно другие государственные структуры, в которых приоритет отдается гражданам, а не государству. Каждый человек (я имею в виду передовое человечество) хочет быть сам себе авторитетом и ХОЗЯИНОМ СВОЕЙ СУДЬБЫ. ЦКГМ и многослойную иерархию управления ПРИДЕТСЯ постепенно заменять на Децентрализацию, Деконцентрацию, Дегигантизацию, Демонополизацию и Деиерархизацию (ДДДДД) управления. Централизованные государства постепенно превратятся в содружества множества автономных общин. Централизация будет заменена на координацию и арбитраж на добровольных началах. ВСЯ ФИЛОСОФИЯ, НАУКА И ТЕХНИКА, ВСЯ КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕСТАНУТ СЛУЖИТЬ ЦКГМ и НАЧНУТ ОБСЛУЖИВАТЬ ДДДДД и граждан. Государства будут походить на человеческий организм, в котором у огромного симбиоза миллиардов автономных клеток с автономными органами обеспечения жизни нет единого правителя. Наш разум ведь совсем не правит миллиардами клеток тела и его органами. Он, по сути, есть лишь министр по делам наших контактов с окружающим миром.

Нет нужды бояться сепаратизма, даже доходящего до объявления угла в коммунальной квартире суверенной республикой. Это есть лишь признак того, что повзрослевшие клеточки государства, люди, требуют своей автономии и содружества в симбиозе, а не диктата. Сепаратизм есть естественное выражение уникальности личности и ее желания быть себе хозяином. Поэтому любым правительствам любого ПЕРЕДОВОГО государства ПРИДЕТСЯ считаться с НОВЫМ свойством людей. Придется создавать государственные структуры с приоритетом человека перед государством и с достаточной свободой жизни и деятельности КАЖДОГО ОТДЕЛЬНОГО гражданина. Свобода будет ограничена лишь правилами общежития и взаимного сотрудниче-

ства, т.е. правилами СИМБИОЗА. Планетарная интеграция произойдет НЕ на основе единого планетарного государства, а НА основе добровольно принятых координации и арбитража автономных общин в масштабе планеты. По прямому подобию человеческого организма с его миллиардами независимых клеток, живущих в превосходном содружестве, образующем нечто ЦЕЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ. (Подробнее об этом рассказано в моей книге "Пути человеческие", которая по запросу может быть выслана).

ВСЕОБЩАЯ КОРРУПЦИЯ, ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО И РАСХИЩЕНИЯ ЕСТЬ РЕЗУЛЬТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Любой человек, который распоряжается государственным (или корпоративным) имуществом, привилегиями или деньгами, находится под необыкновенно сильным искушением использовать их в свою личную пользу. Даже в нормальное время, когда не приходится думать о выживании, и то, множество государственных деятелей и чиновников или наемных трудящихся менеджеров, управляющих корпорациями, не может устоять против искушения. На Западе КАЖДЫЙ ДЕНЬ сообщают о таких весьма скандальных фактах. Никакой учет и контроль (и следовательно бюрократия) никогда и нигде не были успешными. Коррупцированные государственные или корпоративные деятели превосходно используют учет и контроль (бюрократию) в свою пользу. Таков опыт человечества. При социализме происходило то же самое и в самом грандиозном масштабе, но скрытно. Иначе говоря, государственная собственность есть неисчерпаемый источник коррупции, взяточничества и хищений. Поэтому во времена кризисов, когда людям становится трудно выжить, в госсобственности происходит страшнейший рост коррупции, взяточничества и хищений. И с этим ничего не поделать. Бороться с этим практически бесполезно пока есть господство госсобственности. В условиях хаоса, создаваемого разваливающейся госсобственностью, расхищение и присвоение особенно доступны прежним номенклатурщикам, так как они знают "где, что лежит" и как госсобственность себе прикарманить. Нынешняя "приватизация", в основном и происходит в пользу номенклатурщиков, спекулянтов и мафии.

Тем не менее, изолировать 18 миллионную номенклатуру от госсобственности и оградить эту госсобственность от присвоения номенклатурой НЕВОЗМОЖНО И АБСУРДНО. Нельзя и по сталински 18 миллионов уничтожить, чтобы они не мешали перестройке. То, что называют нынче СИСТЕМОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ, есть, в действительности, СИСТЕМА ГОССОБСТВЕН-

НОСТИ. Одна от другой НЕОТЛИЧИМЫ. Без госсобственности система номенклатуры и ее власти превращается в дым. Она лишается всех рычагов власти и всякой пользы от своих прежних внутриноменклатурных знакомств.

Итак, приватизируйте ВСЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ ОДНОВРЕМЕННО и этот неистощимый источник коррупции мгновенно исчезнет. Исчезнет СИСТЕМА НОМЕНКЛАТУРЫ. Бывшие номенклатурщики будут вынуждены "вписываться" в законный ход приватизации и СВОИМ ОПЫТОМ ОРГАНИЗАЦИИ помогать себе и всему населению в выходе из кризиса. Приватизация госсобственности немедленно превратит их из врагов в союзников. Вся психология любого номенклатурщика и любого человека есть производное обстоятельств жизни и собственности. Изменились обстоятельства жизни и работы, немедленно меняется "психология". ВСЕОБЩАЯ, НЕМЕДЛЕННАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ ИЗМЕНИТ ЛЮБУЮ "ПСИХОЛОГИЮ", СДЕЛАЕТ ВРАГОВ СОЮЗНИКАМИ: ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СОЗДАЮТ ЭГОИСТИЧЕСКУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ ВЗАИМНОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НЕ ТОЛЬКО МЕЖДУ СОБОЙ, НО И С ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ. ПРОИЗОЙДЕТ РАННЕЕ НЕВОЗМОЖНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА.

Госсобственность НЕ ТЕРПИТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ЛЮБЫХ законах и при ЛЮБЫХ Конституциях

Без госсобственности и права человека будут АВТОМАТИЧЕСКИ осуществлены. Право по отношению к кому или чему? По отношению к государству. ИМЕННО. Государство госсобственности, т.е. единственного всеобщего хозяина, автоматически осуществляло приоритет ПРАВ ГОСУДАРСТВА над ПРАВАМИ ЛИЧНОСТИ. 90-95% госсобственности в нынешней России продолжают делать то же самое. Ликвидируйте госсобственность, и государство будет лишено власти попираť права человека. БЕЗ ЛИКВИДАЦИИ ГОССОБСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКУ ПОЛУЧИТЬ ПРАВА НЕВОЗМОЖНО.

Когда все граждане получают равные для всех права, осуществится и настоящий плюрализм, когда каждый гражданин и каждая партия или организация смогут иметь и защищать свою точку зрения БЕЗ необходимости насиловать других. Сейчас нет никакого плюрализма. Просто, кто смел, тот и съел. У кого больше власть, тот и прав. Бывший номенклатурщик имеет больше власти, так как он имеет в своем распоряжении опыт и рычаги госсобственности. Он поэтому имеет и больше фактических, хотя и не законных прав. ПЛЮРАЛИЗМ БЕЗ ЛИКВИДАЦИИ ГОССОБСТВЕННОСТИ

НЕВОЗМОЖЕН.

Заметьте, что законы и Конституция государства с господством госсобственности могут быть любыми, но они не смогут вам помочь, когда все средства вашего существования и всей вашей жизни находятся у государства. При любых законах и Конституциях тот, кто платит (государство), тот и музыку заказывает. Ликвидируйте госсобственность и законы и Конституция станут демократическими и действенными.

Свобода печати при госсобственности НЕВОЗМОЖНА

Свобода печати не может быть осуществлена каким бы то ни было законом. Какая свобода печати, если рассылка печатных изданий в руках государства, когда бумага в собственности государства, если оборудование, помещения, даже земля под ними находятся в собственности государства, когда цены диктует государство? Какая свобода слова, когда говорить можно только в государственных помещениях, а печататься даже за свой счет невозможно: не на чем и негде, все в руках государства. Любую газету, любой журнал можно враз ликвидировать, повысив цены на бумагу, на оборудование, на помещения, на рассылку. Ведь НОВЫЕ правители в условиях госсобственности, как и старые, НЕ ДОПУСТЯТ существенной и правильной критики в свой адрес, т.е. не допустят свободы слова и печати ПРИ ЛЮБЫХ ЗАКОНАХ И ПРИ ЛЮБОЙ КОНСТИТУЦИИ. Правильно пишет Василь Быков в "Известиях", что и ЯКОБЫ независимым "Известиям" приходится "не всегда договариваться до конца, иногда остерегаться, подстраховываться". Иначе, экономическими средствами правителей госсобственности они могут быть легко закрыты. Их эфемерная "свобода" слова и печати кончится в момент.

ДЛЯ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ И СЛОВА НЕОБХОДИМА ВСЕОБЩАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ ГОССОБСТВЕННОСТИ. ТОГДА И ЗАКОН О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ И СЛОВА БУДЕТ ДЛЯ ДЕЙСТВИЯ ЭТОЙ СВОБОДЫ НЕ ОСОБЕННО НУЖЕН.

Говорят, что возвращение идола коммунизма или тотальной диктатуры уже невозможно

К сожалению, это возвращение все еще вполне возможно, если 90-95% народного хозяйства все еще в государственной собственности. Ведь стоит только любым способом завоевать власть управления госсобственностью соответствующим людям, как они смогут все подправить, т.е. осуществить единство хозяина и управления на всю страну. Социализма, пожалуй, не вернуть: население не допустит, а

всесильная государственная (даже фашистская) диктатура, подавляющая население, очень даже вероятна.

Как вы думаете, почему же семь лет перестройки ничего кроме болтовни неосуществили. Все утверждают, что все очень сложно и НИКАКОЙ СУЩЕСТВЕННОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ НЕ ПРОИЗВОДЯТ: 90-95% НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, КАК БЫЛО, ТАК И ОСТАЕТСЯ В РУКАХ ГОСУДАРСТВА. КОНЦА ЭТОМУ НЕ ВИДНО. К сожалению, создание диктатуры правителей над несчастной и нищей страной все еще ВПОЛНЕ РЕАЛЬНО.

НЕМЕДЛЕННО И ОДНОВРЕМЕННО приватизируйте ВСЕ народное хозяйство, передавая его в собственность трудовым коллективам и частникам, вот тогда, действительно, возвращение государственного тоталитаризма станет полностью невозможным. Ведь не даром в России пришлось истребить 67 миллионов человек, чтобы осуществить тоталитаризм власти и тем создать социализм. Повторить это ПОСЛЕ ликвидации ГОССОБСТВЕННОСТИ невозможно.

КОЛОССАЛЬНЫЙ РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ И БЕЗЗАКОНИЯ ТОЖЕ ВЫЗВАН ГОСПОДСТВОМ ГОССОБСТВЕННОСТИ

Остающиеся в силе социалистические законы и 90-95% народного хозяйства в госсобственности лишают население средств творческого продуктивного труда, лишают его прав и возможностей трудиться в свою пользу без ограбления и удушения полутрупом социализма. Госсобственность полностью отстраняет население от прямого участия в перестройке. Не имея возможности обеспечивать себя собственным трудом, самые честные люди вынуждены становиться нарушителями неестественных и запретительных законов, остающихся от тоталитаризма и ПОПОЛНЯЕМЫХ нынешними правителями.

Иначе говоря, господство госсобственности создает неизбежность огромного увеличения преступности в наши кризисные времена. Социализм, конечно, создавал и в обычное время огромное число антигосударственных "преступлений" (в концлагерях были многие миллионы "преступников"), а его развал и нынешний кризис резко и еще увеличили преступность.

Произведите НЕМЕДЛЕННУЮ И ОДНОВРЕМЕННУЮ приватизацию ВСЕЙ госсобственности, и каждый гражданин займется продуктивным трудом в СВОЮ пользу, а занятие трудом требует поддержания порядка и законности. Все трудовое население захочет освободиться от помех своему законному труду преступниками и нарушителями правил труда и общежития. Население станет мощным стражем порядка и законности, которые обе-

спечивают ему свободу труда на себя, а не "на дядю" или на грабителя и ракетiera.

ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАРПЛАТ КОНКУРЕНТНЫЙ РЫНОК РАБОЧЕЙ СИЛЫ НЕ ОБЯЗАТЕЛЕН

Необходимость такого рынка и превращения людей в бездушный товар определяется структурой управления государством. Социализм с его неограниченной законом властью над населением устанавливал и зарплаты и цены по своему произволу, превращал всех в бесправные и бездушные болтики государственной машины. Безработица, как регулятор труда, цен и зарплат, ему была не нужна. Государства Запада вынуждены для сдерживания смертельной для них инфляции регулировать зарплаты (и следовательно цены) с помощью безработицы. Уговоры и предписания не действуют.

Дело в том, что на Западе, чтобы не обанкротить господствующие в экономике корпорации, вообще не слишком прибыльные, правительствам приходится сдерживать КОНКУРЕНЦИЮ, создавать множество корпоративных гигантов и монополий и субсидировать их. Корпорации на Западе конкурируют между собой за монопольную власть над потребителем, а не ПЕРЕД потребителем. Только в розничной торговле есть разные цены, есть скидки и уценки, т.е. существуют для "конкуренции" РАЗНЫЕ ТОРГОВЫЕ НАЦЕНКИ на оптовые цены. Однако оптовое производство и торговля полностью поделены между корпоративными МОНОПОЛИЯМИ, а цены монопольны.

Менеджеры корпораций и их ближайшие помощники, как и остальные служащие и рабочие, представляют собой тоже наемных трудящихся, а не собственников. Они совсем не заинтересованы в сдерживании роста своих зарплат и привилегий (как и все и любые трудящиеся). Безработица на МЕНЕДЖЕРОВ почти не распространяется и регулятором их зарплат не является. Им много легче, чем рядовым работникам (через соответствующие знакомства), найти очень быстро новую работу. "Зарплаты" наемных трудящихся менеджеров-председателей корпораций колоссально опережают инфляцию и исчисляются сейчас, например, в США десятками миллионов долларов. Прошлогодний рекорд составил 182 миллиона долларов за один год.

Представьте себе, что в экономике имеется поощряемое государством господство многих миллионов частных собственников предпринимателей. Эти многие миллионы создают между собой КОНКУРЕНЦИЮ ИМЕННО ПЕРЕД ПОТРЕБИТЕЛЕМ. (При гигантизме и монополизме потребитель в руках монополистов и гигантов, и конкуренции ПЕРЕД НИМ ИМ не требуется). КОНКУРЕНЦИЯ опасностью ЛИЧНО-

ГО разорения предпринимателя и потери работы его работниками принуждает их всех вместе держать цены приемлемыми потребителю, а ассортимент, качество и количество продукции наивысшими, чтобы иметь возможность продать именно свой товар или услугу. Поэтому частнику при КОНКУРЕНЦИИ абсолютно невозможно увеличивать зарплаты без соответствующего увеличения количества и качества ПРОДАННОЙ продукции. Иначе он разорится. Именно КОНКУРЕНЦИЯ огромной силой миллионов независимых производителей платит трудящимся точно по труду и ликвидирует инфляцию. Зарплаты же растут, так как конкуренция стимулирует повышение производительности труда, и трудящиеся богатеют, не создавая инфляции: больше наработал, больше получил. Что касается безработицы, то при господстве конкурентного частника миллионы трудящихся желают и могут превратиться сами в хозяев, что они и делают, приводя к полной занятости. (Если конечно государство не станет душить, как у нас сейчас, предпринимательство и фермерство дикими налогами и враждебными законами).

Таким образом КОНКУРЕНТНЫЙ рынок миллионов частных собственников производителей ПРЕВОСХОДНО РЕГУЛИРУЕТ И ЦЕНЫ И ЗАРПЛАТЫ В СООТВЕТСТВИИ С ПРОДУКТИВНОСТЬЮ, НЕ ДОПУСКАЯ ИНФЛЯЦИИ, И НЕ ТРЕБУЕТ НИКАКОГО РЫНКА РАБОЧЕЙ СИЛЫ, ТАК ДЕГРАДИРУЮЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО, И АБСУРДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКИ. (Уверен, что это есть неожиданная новость для российских читателей и даже экономистов).

Именно КОНКУРЕНТНЫЙ рынок представляет собой чудесный механизм управления экономикой силами самого населения и в его пользу. Население, покупая или не покупая те или иные товары и услуги, в том или ином количестве, качестве, и ассортименте и ПО ПРИЕМЛЕМОЙ ЦЕНЕ, диктует экономике (миллионам частных производителей) объемы производства, ассортимент, качество и цены. Производители повышают свои способности и награждаются населением по их труду: от каждого по способности и каждому по труду. Социализм был на это НЕ способен. Заметьте, что господство миллионов частных собственников предпринимателей в условиях КОНКУРЕНТНОГО рынка есть превосходная школа нравственности. Конкуренция воспитывает и учит хорошо трудиться, учит честности и порядочности, учит уважению друг к другу (без этого слаженная продуктивная работа невозможна), учит пониманию связи своего (эгоистического) блага с благом покупателей, т.е. населения, с благом государства. А затем становится людям ясной связь их всех с природой, со Вселенной, с Богом. А это и есть высокая

нравственность, вырастающая из семени эгоизма.

ДРУГИЕ БЕДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ГОССОБСТВЕННОСТЬЮ

В прессе России и СНГ много осуждающих восклицаний. Мол наша современная молодежь – “рыночная”, т.е. безответственная, спекулятивная, бездуховная, развращенная и т.п. Это неверно: она у нас “кризисная”, а не рыночная. Рынок БЕЗ КОНКУРЕНЦИИ, с безработицей, действительно, МОЖЕТ ТОЛЬКО РАЗВРАЩАТЬ, но это НЕ РЫНОК как автоматический экономический, обучающий нравственности механизм. У нас этого механизма еще НЕТ. Когда он будет, молодежи тоже придется на нем воспитываться через КОНКУРЕНЦИЮ в сторону полезного, честного и ответственного труда. Всеобщая занятость займет и всю молодежь, начнет ее воспитывать и образовывать и социально и нравственно. Полная возможность полезного людям творчества превратит молодежь в источник материального и особенно духовного богатства страны, отвратит от молодежного разврата, создаваемого массовой безработицей и бесконкурентным рынком на Западе.

“Когда мы научимся жить дружно, а не драться по любому пустяку?” Только после ВСЕОБЩЕЙ приватизации госсобственности и почти немедленно после нее. Каждый будет занят трудом в свою пользу, а это в наше время невозможно без добровольного, взаимовыгодного сотрудничества друг с другом и взаимопонимания. Не беспокойтесь, мы драчливы не по природе, а по социалистическим условиям. “Нас съедает зависть. Мы лучше сами будем жить в нищете, чем допустим кого-то разбогатеть”. Опять это есть результат социалистического бесправия: если кто то разбогател, значит, это или привилегированный номенклатурщик или жулик. Вид такого богача, действительно, УНИЖАЕТ нас, так как мы не хуже этого жулика могли бы обеспечить себе своим трудом лучшую жизнь, но не можем, находясь в рабской зависимости от государства. В то же время, мы не можем себе позволить жульничества для своего обогащения. Мы хотим богатства, но без жульничества, по честному. Это возможно ТОЛЬКО ПОСЛЕ ВСЕОБЩЕЙ ПРИВАТИЗАЦИИ ГОССОБСТВЕННОСТИ. Тогда каждый из нас может показать, на что он способен, и некому будет завидовать. Зависть не есть наше природное свойство.

Э.А.Шеварднадзе призывает к миру в стране, к демократии, к консолидации общества. Напрасные призывы. Пока существует господство госсобственности и государственного диктата, их не осуществить. Какой мир, когда лидеры дерутся за безграничную власть над людьми через власть над госсобственностью,

а каждый рядовой знает, что он бесправен и что только всеобщий собственник-государство (подходящий лидер) может его облагодетельствовать? Какая может быть демократия при господстве госсобственности, какие права человека? При госсобственности все ведь рабы (даже с "гласностью") одного государства. Какая же может быть в таких условиях консолидация общества? Она невозможна. Нужно призывать НЕ к миру, демократии, консолидации, а к ликвидации госсобственности. Тогда мир, демократия и консолидация появятся автоматически.

ПАКЕТ ЗАКОНОВ И МЕР ДЛЯ БЫСТРОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ПРИВАТИЗАЦИИ ГОССОБСТВЕННОСТИ

При социализме было СПРАВЕДЛИВО вождю иметь неограниченную власть, а населению не иметь прав. Было СПРАВЕДЛИВО правителям быть богатыми, а управляемым быть бедными. В самом процессе кризисов и революций вообще никакой СПРАВЕДЛИВОСТИ не бывает, кто силен, тот и прав. Конечно, есть **НЫНЧЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ**, и я бы определил ее, как "от каждого по способностям, каждому по труду". Легко понять, что такая справедливость для нас возможна **ТОЛЬКО ПОСЛЕ** всеобщей ликвидации госсобственности – основы множества несправедливостей. А **НА ВРЕМЯ** приватизации о справедливости лучше забыть, чтобы **ПОЛУЧИТЬ** общечеловеческую справедливость **ПОСЛЕ** успешной реализации следующего пакета законов и мер.

1. Почему должна быть символическая **ПЛАТА** за госсобственность? Потому что люди не ценят, не уважают бесплатного. Доступной **ВСЕМ** и "уважаемой" платой может быть, скажем, 1-3 месячная зарплата, которая должна быть выплачена государству в течение одного года. Сумму 1-3 месячного фонда зарплаты и следует принять за продажную цену предприятия. ("Дешево!!!, несправедливо: у многих фонды зарплаты завышены!!!!"). Для всех и любых объектов, малых, больших и огромных такая плата и целесообразна и быстро и легко реализуема.

2. Вся дирекция и все штаты приватизируемого предприятия оставляются законом прежними. (Они имеют большой и ценный опыт). Оставляется и прежнее распределение зарплат. Доходы по закону должны распределяться пропорционально прежним зарплатам. ("Несправедливо!!!!") Это должно действовать 2-3 года, после чего каждое предприятие составляет свой собственный устав, по которому и будет работать дальше, когда все более или менее стабилизируется.

3. За быстрый и нормальный ход приватизации ответственность возлагается законом на

прежние дирекции предприятий и организаций. Приватизируются все предприятия тяжелой и легкой промышленности, весь военный-промышленный комплекс, весь транспорт, почта, средства связи, вся оптовая и розничная торговля, школы. ВУЗы, детские учреждения, вся медицина и т.д. Словом, все народное хозяйство. **НО БЕЗ ЛОМКИ САМОГО ПРОИЗВОДСТВА И БЕЗ ПЕРЕТАСОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ.**

4. На первые 2-3 месяца приватизации государству следует выплачивать предприятиям их прежний фонд зарплат, чтобы предприятия успели разобраться в своих связях с поставщиками и потребителями, в расчете своих доходов и расходов. Очевидно, что государство должно выплатить и всю свою задолженность предприятиям по зарплатам и субсидиям **НЕ-МЕДЛЕННО**. Естественно, что эти мероприятия вызовут сильный рост инфляции (и необходимость индексации доходов пенсионерам и подобным им людям). Вызовут рост бюджетного дефицита. Вызовут вопли западных кредиторов. Это однако **ВРЕМЕННО**, а быстро приватизированное народное хозяйство начнет быстро поднимать производство и оздоравливать экономику, ликвидируя указанные временные в этом случае бедствия. На это **ПРИДЕТСЯ** идти.

5. Увольнение работников первые 2-3 года допускается законом **ТОЛЬКО** по их собственному желанию.

6. Продажа паев (акций) на собственность предприятия трудящимися должна быть запрещена законом года на 2-3, чтобы они не разбазарили предприятий в угоду временным личным нуждам.

7. Все госзаказы и зависимость предприятий от государства, а также прежние госнабровские связи **МЕЖДУ ПРЕДПРИЯТИЯМИ** заменяются по закону рыночной торговлей и взаимно добровольными контрактами. Невыполнение контракта любой стороной объявляется преступлением и наказывается принудительной по суду компенсацией потерь и **ЧУВСТВИТЕЛЬНЫМ** штрафом в пользу пострадавшей стороны. Штраф берется из карманов дирекции (пропорционально окладам) провинившегося предприятия или провинившейся государственной стороны.

8. Через 2-3 года все прежние гигантские и монопольные предприятия на ответственность их дирекций должны расщепиться до нормального размера. Критерием должно послужить число работников в общем соответствии с трудоемкостью конкретной технологии. Стаfelейные предприятия, могут иметь, скажем, 5 тысяч работников и не больше. Банки, скажем, 300 работников, и т.д. Другие критерии будут не конкретны и трудно проверяются. На Западе законы против монополий суще-

ствуют полсотни лет, но слишком туманны, и гиганты и монополии растут беспрепятственно.

9. Если члены колхоза проголосуют ТАЙНЫМ голосованием за сохранение колхоза, он превращается в кооператив на паях. Величина пая должна быть пропорциональной прежним доходам.

И в кооперативах следует по закону оставить на первые 2-3 года прежние управление и штаты. ("Несправедливо!!!") В это время распределение продукции и доходов должны быть пропорциональны прежним зарплатам. Нынешний председатель колхоза будет нести ответственность по закону за правильный ход приватизации. Через некоторое время кооператив составит свой собственный устав и будет работать и жить по нему.

10. Если члены колхоза проголосовали за раздел имущества и земли, законом следует применить для раздела лотерею. Это позволит избежать жестоких споров. ("Глупо!!! Несправедливо!!!") Каждый объект имущества разыгрывается в лотерею между членами колхоза. Все получившие землю обязуются законом ввести ее в течение года в продуктивное использование. Невведенная в действие земля отбирается по суду в земельный фонд района, в который поступает и вся лишняя земля бывшего колхоза. Земельный фонд будет служить выдаче земли другим желающим ее использовать. Полную ответственность за такую приватизацию несет по закону или бывший председатель или лицо, избранное для этого бывшими колхозниками ТАЙНЫМ голосованием. Как видите, правильную приватизацию колхозов организуют и отвечают за нее перед законом вполне определенные конкретные личности, а не какой-то "дядя".

11. Выпускается закон о полной свободе частной собственности на любые средства производства, на любые плоды труда, а также о государственной защите этой частной собственности.

12. Закон о полной свободе частного, бессрочного и наследственного ВЛАДЕНИЯ ТЕРРИТОРИЕЙ земли с правом продажи всех плодов труда на ней и С АВТОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧЕЙ ПРАВА ВЛАДЕНИЯ ТЕРРИТОРИЕЙ ПОКУПАТЕЛЮ. Это исключит спекуляцию пустующей землей и произвол "ЦЕН" на землю, не устранив свободы купли-продажи любого имущества и права владения землей.

13. Закон о полной свободе любой производственной, торговой и другой созидательной деятельности для любых граждан.

14. Закон о свободе найма рабочей силы с помощью ИНДИВИДУАЛЬНЫХ договоров. Невыполнение договора объявляется преступле-

нием и ведет к чувствительному штрафу виновника и компенсацией ущерба пострадавшей стороне.

15. Закон о передаче жилищ в полную собственность жителям за символическую плату. Плата должна быть, скажем, в размере прежней месячной квартплаты. Жилая площадь, превышающая норму, скажем, одной комнаты в 9-15 кв. метров на человека, продается жителям по коммерческой цене.

16. Определяются законом и опубликовываются перечни ВСЕХ прав и обязанностей милиции и органов государственной безопасности.

17. Запрещается законом одному гражданину или одной фирме иметь в собственности, больше одной газеты, журнала, одного канала радио или ТВ и т.п. Монополия на средства информации не менее опасна, чем в торговле.

18. Запрещается иметь профсоюз больше, чем на одну организацию или фирму. Одна фирма – один профсоюз. Монополия профсоюзной силы не менее опасна, чем любая другая монополия.

19. Вместо удушения народного хозяйства и экономики дикими государственными налогами и поборами нужно ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ ПООЩРЯТЬ производство, предпринимательство и фермерство. А здоровая экономика быстро обеспечит ликвидацию инфляции и безработицы, обеспечит и бездефицитный бюджет и высокую социальную защищенность населения.

20. Все постоянные жители России, независимо от национальности, расы, возраста, пола имеют право на российское гражданство со всеми другими правами, вытекающими из этого гражданства.

Всем желающим национальным районам России предоставляется по взаимно согласованному договору автономия.

Такой пакет законов и мер обеспечит быструю, достаточно легкую и всеобъемлющую приватизацию и переход к настоящей справедливости, к материальному и духовному процветанию. Миллионы трудящихся превратятся в независимых частных собственников предпринимателей. Появится сильная конкуренция и осуществление принципа "от каждого по способностям, каждому по труду". Исчезнет национальный вопрос.

Итак, ТОЛЬКО ПОЛНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ГОССОБСТВЕННОСТИ ЕСТЬ ЕДИНСТВЕННАЯ ДОРОГА К БЛАГОПОЛУЧИЮ, МИРУ И СТАБИЛЬНОСТИ.

Обязуюсь в меру сил ответить на вопросы читателей. Мой адрес: Dr. A.Fedoseyev Box 373 GPO, London EC1P 1PJ, England

В. ТАРАСОВ

ОБЩЕСТВО РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Недавно я посмотрел несколько серий американской комедии "Полицейская академия". Фильм очень веселый, шутки просты и иногда даже глуповаты. Совершенно неожиданно я почувствовал в нем нечто мне хорошо знакомое. В нем было то ощущение жизни, тот дух, который окружал меня в детстве и юности, дух беспроblemного, беззаботного существования, когда все внимание сосредоточено на обыденных житейских делах. Мещанское, обывательское благополучие – вот, наверное, самое подходящее название состояния того слоя общества, в котором я находился в те годы (в эпоху застоя, как сейчас принято говорить). Я склонен считать, что и большая часть советского общества находилась именно в этом состоянии тогда (хотя какие-либо исследования на эту тему мне неизвестны).

Каждый человек имел возможность жить мещанской жизнью: работать не особенно утруждаясь, воспитывать детей, напиваться по праздникам и т.д. и т.п. Для тех, кому хотелось большего, были и некоторые возможности улучшения своей жизни: можно было потихоньку воровать, можно было поехать в Сибирь на заработки, можно было вступить в КПСС и стать руководителем. Почти каждый мог найти способ улучшения своей жизни, соответствующий его воспитанию.

Конечно же, при всем этом экономика страны была отсталой, народ спивался и т.д. и т.п. Но речь сейчас идет не об этом – речь идет о мещанском благополучии.

Вряд ли коммунисты сознательно стремились к построению такого общества, напротив – идеологи коммунизма всячески клеймили мещанство, но природа человека, похоже, оказалась сильнее. Общество в Союзе вовсе не соответствовало его официальной идеологии (в указанном отношении). Я не могу обосновать это утверждение ссылкой на какие-либо исследования и могу сослаться только на собственный опыт – в молодости меня всегда поражало то, что всюду пишут и говорят об одной морали, а живут все (в подавляющей массе) по другой.

В том, что в нашей стране простому человеку была обеспечена возможность жить мещанской жизнью, кроется, на мой взгляд, причина слабости диссидентского движения. Народу было просто не до диссидентов, каждый был озабочен устройством своего личного счастья, вполне, отмечу, реального. В рамках советского общества были довольно широкие возможности для улучшения жизни обывателя. Диссидентами же становились люди, которых не устраивала именно мещанская жизнь,

которым было мало возможности быть обывателем.

В России принято в среде интеллигенции пренебрежительно относиться к обывателям. Мещанин – это почти бранное слово. Вряд ли такое отношение справедливо, так как именно в мещанской жизни, в обыденных человеческих радостях находится смысл жизни человека и общества, а вовсе не в науке, искусстве и т.п. Вопрос о смысле жизни, конечно, спорный, но обывательское благополучие – семья, работа, отдых – это фактическая цель и смысл жизни большинства живущих на Земле людей. Это утверждение кажется очевидным.

Советской интеллигенции, как мне кажется, мало свойственно понимание мещанского характера советского, да и, похоже, всякого другого устойчивого общества (я буду часто использовать термин "советский", так как он точно описывает общее в людях и странах бывшего Союза). Интеллигенция не чувствует своей чужеродности в обществе, чужеродности именно в силу признания ею недостаточности мещанских ценностей и обнаружения в науке и культуре не только утилитарной пользы, но и ценности в них самих по себе.

Это непонимание проявляется в отождествлении интересов интеллигенции с интересами всего общества. Вот что пишет Виктор Ерофеев: "Мы должны осознать, что возвращаемся не в потерянный рай, а в меньшее из социальных зол, и нам предстоит увидеть все те свинные рыла стяжателей, хапуг, мещан и торговцев, которых так ярко изображала русская литература, в новом качестве предпринимателей" ("Крушение гуманизма №2", – "Московские новости", №51, 1991 г.).

Это "мы" просто великолепно.

В эпоху застоя меня всегда поражала манера советских руководителей говорить "мы". Мы запустили спутник, мы строим БАМ, мы оказываем братскую помощь народу Афганистана. У меня в таких случаях возникала обычная реакция мещанина – мысленный кукиш: "а вот вам, не строю я БАМ". Я не мы.

Нет уже коммунистической партии, куда-то подевались ее идеологи. Другие люди сейчас пишут и говорят. А способ мышления тот же. Просто удивительно. Опять – "мы". Надеюсь, Виктор Ерофеев меня простит, но у меня опять возникает естественная реакция мещанина на это "мы" (см. выше). Не должен я ничего осознать.

В любой стране, как мне известно, существует множество культурных традиций – мещанства и интеллигенции, господина и холопа и т.п. И для людей, воспитанных в разных традициях, развитие общества выглядит по-разному. Нет нас. Есть я. Много-много я. Я не знаю, к сожалению, исследований о распространенности различных культурных традиций

в странах бывшего Союза и могу судить об этом только по собственному опыту.

Я принадлежу одновременно по крайней мере к трем культурным традициям. Обывательской – в силу происхождения, воспитания и жизни среди обывателей. Российской интеллигенции – в силу обучения в школе и университете, чтению книг русских классиков и общению с интеллигентами. Культурной традиции здравого смысла (так я ее называю) – в силу самых разных случайных причин.

Виктор Ерофеев не замечает, что для людей разной культуры развитие нашего общества выглядит по-разному. Это для него мы возвращаемся в общество свинных рыл мещан. А для самих рыл мы возвращаемся в общество благополучия, которое для них существовало вовсе не только до 17-го года, но и 10 лет назад тоже. Виктор Ерофеев, как я предполагаю, в силу своей интеллигентской монокультурности не замечает в мещанском рыле того, кем это рыло себя чувствует, – хорошего человека. И кем, отмечу, и является – с точки зрения мещанской морали. Это только с точки зрения интеллигентской морали он рыло. Но какая мораль лучше? Почему, собственно, и можно ли вообще отдавать предпочтение одной морали перед другой?

Это вопрос. Но для Ерофеева его нет! Он знает истину. Речь идет сейчас не об этих вопросах – речь о том, что мы разные. Возможно, впрочем, что Виктор Ерофеев и имел в виду “мы, интеллигенты”. В этом случае мои упреки в его адрес несправедливы, но ему следовало бы писать не “мы”, а “мы, интеллигенты”.

В советском обществе сейчас царит какой-то разброд во мнениях о будущем страны. Одни считают, что надо строить капитализм, другие – социализм по какому-то там варианту и т.д. Трудно сказать, кто прав и какое общество надо строить, но можно точно сказать, какое же общество будет в конце концов построено – это общество мещанского благополучия, так как любое другое общество разрушается и вымирает – неустойчиво (это утверждение кажется мне чрезвычайно правдоподобным, хотя мне неизвестны какие-либо исследования на сей счет). Осознание этого явления очень важно.

Важно осознание того, что капитализм, социализм, рынок и т.п. – это не цель развития общества, а средство достижения цели – создания благополучной жизни обывателю. Нетрудно заметить, что общество мещанского благополучия может быть разным. В США это общество существует столетия, в СССР смогло продержаться всего пару десятилетий. Почему советское общество оказалось неустойчивым?

Ответ на этот вопрос хорошо известен: со-

ветская версия социализма оказалась экономически неконкурентоспособной с капитализмом. Если бы не было развитых капиталистических стран, то социализм в Союзе мог бы еще, пожалуй, долго держаться, так как каких-либо внутренних причин для его изменения не было, народ был доволен жизнью, а руководство страны вполне справлялось с ее управлением (неизвестно, правда, кто бы продавал Союзу продукты). Внутренних причин для изменений не было именно потому, что было создано общество мещанского благополучия.

Мне кажется, что советские и западные интеллигалы не осознали тот пугающий урок, который преподавал всему миру бывший Союз – урок успешного создания общества мещанского благополучия в рамках социалистической доктрины (в ее советской интерпретации). Хотя социализм уже почти погиб, но его жизнеспособность доказана. Если воспользоваться биологическими терминами, то можно сказать, что социализм не погиб сам, он был поставлен внешними силами в условия, вынудившие его совершить самоубийство. Запад победил в холодной войне.

История СССР последних десятилетий представляет собой историю попыток построения экономически эффективного общества. И перестройка – это всего лишь очередная попытка (это утверждение будет обосновано чуть позже). Чтобы предсказать, насколько она будет успешной, попробуем понять, что надо сделать, для того, чтобы создать экономически эффективное общество.

Основания, на которых покоится благополучие западного общества, известны. Нетрудно заметить, что в развитых капиталистических странах существует возможность реализации способностей самых простых людей, самых обыкновенных обывателей. Там обывателям обеспечена свобода. Что это значит? Только то, что как можно более облегчена возможность начать и иметь свое маленькое дело (насколько мне известно, там существуют программы содействия мелкому бизнесу) и создана система поощрения успеха работника. При этом оценка почти любой деятельности в конечном счете происходит не по мнению некоторых специальных органов, а потребителем.

Вот это и есть то, что требуется создавать в странах бывшего Союза. Указанные два требования можно назвать ориентировкой на обывателя или условиями обывательской свободы. По-видимому, это очень близко к тому, что обычно называют равными возможностями (я поэтому в дальнейшем буду иногда говорить об обывательской свободе как о равных возможностях). Конечно же, ее одной недостаточно для создания эффективной экономики, но ее существование кажется мне необходимым условием такого создания. Это утверждение,

разумеется, следовало бы обосновать, но мне неизвестны научные работы на этот счет, хотя я уверен, что они есть.

Возникает следующий естественный вопрос: почему же в странах бывшего Союза до сих пор нет обывательской свободы? Ответ известен и прост: дело в том, что реализация этой свободы приведет к потере власти тем общественным слоем, у которого она сейчас находится, так как собственности у этого слоя нет и его власть основана на запрете свободной экономической деятельности и равных возможностей для обывателя, т.е. как раз на том, что требуется изменить. Мне неизвестны исследования на сей счет, но это утверждение очень похоже на правду.

В бывших советских странах сейчас сложилась парадоксальная ситуация – для выхода из кризиса руководящему слою общества надо осуществить реформы, которые должны привести к утрате им права на руководство.

Вот, пожалуй, реальная причина безуспешности всех попыток построить в Союзе экономически развитое общество, вот реальная причина неудач всех реформ – надо освободить обывателя, а это означает, что руководство с его знаниями и умениями будет ненужным. Сейчас руководство Союза (его часть) решило в конце концов, что конкурентоспособное общество будет построено в рамках капитализма, при этом, естественно, в качестве капиталистов оно видит себя. Но этот путь не ведет к выходу из застоя, так как для выхода нужен не капитализм сам по себе (частная собственность), а наличие свободы для обывателя. Другими словами, предпринимаемая в стране сейчас попытка реорганизации экономики есть всего лишь очередная попытка проведения реформ в рамках застоя, т.е. застой в странах бывшего Союза продолжается. То, что происходит сейчас – создание бирж, малых предприятий, кооперативов – это всего лишь новый вариант целины, БАМа, антиалкогольной кампании и т.п., так как при этом не происходит устранение настоящих причин неконкурентоспособности советской экономики.

Вообще дело коммунистической партии в странах бывшего Союза вовсе не погибло, как мне кажется. По крайней мере в некоторых отношениях оно продолжается и с успехом. Давайте немного порассуждаем. Если бы действительно руководство решило, что социализм был ошибкой, то первое, что оно должно было бы сделать, так это – вернуть награбленную за время революции собственность хозяевам. Что-то не слышно ничего подобного. А это означает, что отношение капитализм-социализм не является отношением, в котором определяется ход развития советского общества. Этот вывод очень важен.

В сознании большинства советских людей

сейчас установились довольно примитивные представления о развитии Союза. Принято считать, что 73 года социализма показали невозможность создания в его рамках эффективной экономики, а будущее принадлежит частной собственности и рынку. Все воспринимается в рамках разделения социализм-капитализм.

Эта ограниченность ничего кроме вреда принести не может, так как не соответствует сути происходящих в странах бывшего Союза процессов и не позволяет различать цели и средства. Должен быть построен не просто капитализм, а капитализм с конкурентоспособной экономикой и обывательским благополучием одновременно. Какой-то капитализм **уже** в России был. К чему он привел – всем известно. Против высказанных мною утверждений есть, казалось бы, один аргумент: сейчас есть свобода для занятий своим делом. И можно привести сколько угодно примеров успешной деятельности отдельных людей.

Но есть ли свобода для обывателя? Я думаю, что ответ на этот вопрос совершенно ясен – свободы для обывателя нет. Я не буду доказывать это утверждение, так как во всех советских газетах хватает статей с описанием трудностей, с которыми сейчас приходится бороться любому человеку, начинающему свое дело. Сейчас, так же как и в эпоху застоя, для того, чтобы чего-либо достичь, надо быть героем. Изменился только характер героизма. Когда-то героями были коммунисты, стахановцы, строители БАМа и т.д.

Сегодня новые герои – предприниматели, брокеры и пр. Раньше были тимуровцы, теперь – продавцы газет, мойщики машин. Форма разная, а содержание одно – выделенность в условиях ограничения свободы обывателя. История России пошла по новому кругу. Извините за банальное сравнение, но советские биржи – это ведь просто новые райкомы, советские предприниматели – это очередное поколение большевиков (в своей массе). Не случайно же бывшие партийные деятели так естественно превращаются в предпринимателей.

Меня поражает радость некоторых интеллектуалов по поводу появления всех этих героев. Были они уже. Результат их деятельности известен. Чему радоваться-то? Сейчас многие говорят: “мы разрушили кормушку”. Как бы не так. Вместо социалистической кормушки “мы” сейчас сооружаем капиталистическую. Деятельность нового поколения героев в отсутствие свободы для обывателя (т.е. равных возможностей) может привести, пожалуй, только к тому, к чему она приводила раньше: созданию на какое-то время общества мещанского благополучия, потом – к очередному кризису, краху и новому возрождению. Я охотно допускаю, что новые герои построят новое обще-

ство мещанского благополучия (удалось же это даже коммунистам). Но это опять же будет неконкурентоспособное с западным обществом, и рано или поздно, но опять наступит крах.

Я не вижу причин, по которым в этот раз должно получиться что-либо иное. Нельзя, впрочем, исключить и возможность эволюции, но в предыдущий раз Россия пошла опять по кругу. Почему в этот раз дело должно принять другой оборот?

Как мне кажется, шансы на то, что на этот раз получится что-то другое, очень малы. Печально, но похоже, что в странах бывшего Союза просто нет общественного слоя, который был бы заинтересован в создании общества обывательской свободы. Новые предприниматели получают сейчас сверхприбыли именно за счет отсутствия свободы для обывателя, и при ее установлении прибыль их должна резко уменьшиться. Поэтому они вряд ли будут содействовать необходимым реформам. Руководству также выгоднее иметь дело с угнетенным человеком, так как свободный человек мало нуждается в управлении. Ну, а обыватель на то и обыватель, чтобы не думать о каких-то своих интересах, не выходящих за круг его непосредственного мещанского быта. Более того, некоторые черты обывательской психологии даже мешают процессу осознания необходимости свобод – это манера обывателя приспосабливаться к тому, что есть, и склонность приписывать все неудачи на счет личности. "Каждый человек – кузнец своего счастья" – вот определение обывательского эгоизма. В отсутствии у обывателя данных для формирования общества обывательской свободы и существовании такого общества в развитых капиталистических странах кроется самая большая загадка для меня: как на Западе возникло общество равных возможностей? Ответ здесь почти ясен – институты гражданского общества сделали это, но неясно, что их должно заменить в странах бывшего Союза. В разрешении указанного противоречия, пожалуй, кроется и ответ на вопрос о том, что должно быть сделано для выхода российского общества из традиции развития по кругу.

Роль интеллектуалов в возможном процессе выхода из кризиса весьма туманна. Похоже, что только они могут вывести страну из кризиса. Но могут ли интеллектуалы это сделать, находясь в нынешнем незавидном положении? И что надо им сделать для создания возможности выхода страны из кризиса? Вот, наверное, ключевые вопросы развития стран бывшего Союза. Очень печально, но нынешние советские правительства, как мне кажется, не осознают специфики положения, не осознают необходимости освобождения обывателя и создания равных возможностей.

Что мешало Б.Н.Ельцину уменьшить плату

за разрешение начать свое дело? Не сделал же! Я очень хорошо чувствую, что в своих реформах правительство решило на меня лично не опираться. Хочет опереться на предпринимателей, "послесоюзных" и западных, но не на меня. Точно так же я чувствовал в эпоху застоя, что коммунистическое правительство опиралось на коммунистов, на союзных и зарубежных, но не на меня.

Как это ни удивительно, но советским интеллектуалам также не свойственно понимание сути происходящих процессов. Сейчас распространено мнение, что пришло время работать, появилась свобода для деятельности. Михаил Жванецкий пишет: "Мы сейчас переживаем такой период, который выведет нас на дорогу... Мне так кажется. Потому что мы свободны!.. делать что хочешь". ("Все кричали – "будет бунт!.." А проявилось достоинство", – "Известия", 2 апреля 1992 г.).

Узнаете? Опять – "мы". Коллективистский дух неистребим. Я рад за Михаила Жванецкого. Рад, что он чувствует себя свободным. Но, к сожалению, не могу разделить его чувства и вовсе не настроен радоваться по поводу нового рождения старого мифа: "мы свободны, давайте работать". Помню, коммунистические идеологи страшно любили говорить: "чтобы лучше жить, надо лучше работать". Очень похоже на слова Михаила Жванецкого. Дело, конечно, не в этих словах, а в тех условиях, в которых они произносятся. Свободы действительно стало больше, но для кого? Для обывателя все осталось по-прежнему. Сейчас просто изменился характер свободы: раньше была свобода делать партийную карьеру, теперь – свобода быть предпринимателем. В условиях угнетенности обывателя эти свободы, несмотря на все их различие, должны приводить к одинаковым результатам.

Экономический советник правительства России Сергей Васильев считает, что "для того чтобы запустить эффективную экономику, достаточно и 100 тысяч предпринимателей. Для них и надо создать условия хозяйствования" ("Мы – правительство бедного государства". "Московские новости", №17, 1992). Вот так. Советник правительства вовсе не собирается поддерживать обывателя. Ему надо 100 тысяч героев. Утверждение С.Васильева напомнило мне знаменитое: "Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны". Не помню только, посчитали ли тогда достаточное количество электростанций, но уверен, что какой-нибудь экономический советник должен был это сделать.

Нельзя сказать, что никто ничего не понимает. Сейчас появляются статьи с самыми различными точками зрения. Наверное, в этой моей статье не найдется ни одной мысли, которая не была бы уже высказана кем-либо ра-

нее. Я только постарался собрать эти мысли вместе и связать их между собою. Я сделал это, так как заметил, что статьи с аналогичными идеями как-то теряются на фоне публикаций самого разного рода.

Похоже, что история повторяется. Как считает П.И.Гайденко, до революции российские интеллектуалы в своей массе не поняли предупреждение авторов "Вех" ("Вехи: неслышанное предупреждение". "Вопросы философии", №1, 1992 г.). Иван Шмелев утверждает, что после революции не были услышаны голоса лучших русских мыслителей ("Убийство". "Смена". №7, 1991 г.) Нечто похожее наблюдается и сейчас. Я думаю, что такое положение можно и следует изменить. Для исследования всех тех многочисленных проблем, решение которых необходимо для понимания способа прекращения в России традиции развиваться в рамках несвободы обывателя, ученым следует объединить свои усилия. Надо организовать исследование того, как в конкретных условиях России можно перейти к конкурентоспособному обществу мещанского благополучия.

Надо выяснить, возможно ли вообще построить в России конкурентоспособное обще-

ство. Президент акционерного общества "Русский капитал" Сергей Кугушев считает, что ответить на вопрос о том, что происходит сейчас в России – кризис или закат, "в категориях логики, анализа мы... в принципе не можем" ("Коммунизм разгромлен. Кто платит контрибуцию". "Комсомольская правда", 15 апреля 1992 г.). "Мы", в принципе, наверное, не сможем. Я же вполне уверен в том, что могу организовать и провести необходимые для ответа этого исследования, и причины моей уверенности я изложил в статье "Здравый смысл в России. Быть или не быть".

Использованный мною уровень представления проблемы, разумеется, недостаточен для ее решения, и надо идти дальше хотя бы до того уровня, на котором проводил исследование М.Вебер, и дальше – к З.Фрейдю. Исследования подобного рода недавно попробовал провести Сергей Кара-Мурза ("Свободная мысль", №7, 1992 г.). В этом направлении и надо двигаться.

Если у вас, уважаемый читатель, есть какие-то предложения по рассмотренной мною проблеме, то вы можете сообщить их мне.

**Мой адрес: 220074, Беларусь, г. Минск,
ул. Берута, д. 16, к. 1, кв. 39.**

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПОЗОРНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ

Перед нами брошюра под длинным крикливым заглавием: "О несуществующих правах на престол Е.В. князя Владимира Кирилловича и его потомства, включая Его Королевское Высочество Принца Прусского Георгия Гогенцоллерна". По сути дела, анонимная, как и надлежит подобному омерзительному памфлету. Ни одного имени составителей не указано. Она подписана просто: "Российский Имперский Союз-Орден. Но о каком Союзе-Ордене речь?

Известно, что от Р.И.С.'а лет 20 тому назад откололась кучка отщепенцев, не желавших признавать авторитет Великого Князя Владимира Кирилловича. Не ее ли рук дело и данный опус?

Трудно поверить, чтобы он мог исходить от основной ветви Имперского Союза, неизменно проявлявшей до сих пор полную лояльность ко Главе Династии. Подождем до выяснения. Разумеется, со стороны ушедшей из организации группы, – не пользующейся никаким весом за границей, – прикрываться именем "Р.И.С." представляло бы собою наглость, – и несколько смешное, – самозванство.

Типично, что рассматриваемое произведение отпечатано по старой орфографии, от которой давным-давно отказались как в России,

так и в Зарубежии. Впрочем, тленом пахнет тут не только от формы, но и от содержания. А если авторы думали придать своему творению вид торжественного манифеста, то оно вполне неуместно; и у них, во всяком случае, не получилось.

Нас с первых страниц погружают в атмосферу затхлых сплетен полувековой давности. Как относились Великий Князь Кирилл Владимирович и его мать к царице Александре Федоровне? Как смотрел царь Николай II на жену Кирилла Владимировича? Причем преподносятся нам сии сведения в интерпретации г-на Родзянко, личности далеко не безупречной. Понятно, во всякой семье случаются конфликты и недоразумения, тем более в годы тяжелых испытаний. Зачем нам в них вникать и подвергать их сегодня широкому публичному обсуждению? Ясно ведь, что они не имеют ни малейшего значения для определения наследственных прав Владимира Кирилловича.

Продолжая ту же линию, сочинители воспроизводят образцы полемики, шедшей в эмиграции в 20-е–30-е гг. между сторонниками Кирилла Владимировича, – бесспорно старшего в династическом отношении, – и приверженцами Великого Князя Николая Николаевича, которым тот импонировал свою роль главнокомандующего в эпоху первой мировой войны. Но споры сами собою угасли, со смер-

тью Николая Николаевича, а затем и Кирилла Владимировича. Ныне они могут представлять разве что исторический интерес.

После второй мировой войны, вся масса российских монархистов, и уж безусловно все здоровое и разумное в ее среде, сплотились вокруг Великого Князя Владимира Кирилловича. Его права на пост Главы Династии и Местоблюстителя Российского Престола являлись абсолютно незыблемыми, даже и для тех, кто был почему-либо недоволен поведением Его Отца.

Не имея против Него иного оружия, “имперцы” (полагаем, что “псевдоимперцы”) опускаются до вовсе уж грязной клеветы, вроде того, что он женился будто бы **тайно**. От кого же бы тайно? Французским властям это было безразлично, от эмиграции секрета не было, а родственникам Владимир Кириллович, в качестве Главы Династии, отчетом обязан не был (да и то, например, Его Дядя Великий Князь Андрей Владимирович, знал и не возражал). Никогда не слышали мы и протестов со стороны иностранных монархистов, царствующих или изгнанных.

И какую же бы цель могло преследовать соблюдение **тайны**, способное бы отразиться на правах потомства, при заключении законного брака, безупречного с династической точки зрения, поскольку Его Супруга, Леонида Георгиевна, урожденная княжна Багратион – Мухранская происходила из царского рода владетелей Грузии (уточним вскользь: из одного из самых древних в мире монархических родов, значительно более древнего, чем Романовы). То, что она была вдовой, после первого брака с американцем Керби, никак не могло служить препятствием.

Посмеемся, когда затем г-да “имперцы” путают Мальтийский Орден с Массонским Братством и даже с орденом Темплиеров. Это все – весьма различные вещи. Первый из них находился под покровительством императора Павла I; и если Великий Князь принял в нем почетное звание, то это весьма естественно.

Смерть Великого Князя, неожиданная и во многом непонятная, составляет тяжелое несчастье для России.

Рассмотрим, однако, создавшееся теперь, после нее, положение согласно законам о престолонаследии. Картина совершенно ясна; все остальные Романовы, кроме Дочери Владимира Кирилловича, Великой Княгини Марии Владимировны, и Ее Сына, Великого Князя Георгия Михайловича, безусловно исключены из наследования, в соответствии с установлениями императора Павла I, как происходящие от морганатических браков. Изменить же эти законы мог бы лишь царствующий российский государь; а такого покамест нету.

Более того, даже оставляя в стороне во-

прос о неравномерных браках, все другие Романовы происходят от младшей ветви Династии, и потому могли бы заявлять претензии только **после** Марии Владимировны и Георгия Михайловича, а отнюдь не в обход Их.

Незаконно претендуя на трон, семеро младших Романовых апеллируют к народным выборам. Но выбирают президентов, а не царей. Если же мы отойдем от вопроса о наследственных правах, – первостепенного в монархическом мировоззрении, – то почему бы ограничить выборы царя одному семейству Романовых? Тогда уж можно кого угодно...

Добавим еще, что навряд ли русский народ, которому свойственно обостренное чувство справедливости и моральной ответственности, пожелает поддержать кого-либо из компании семерых мужчин, пытающихся отнять законное наследие у женщины и у ребенка, которым они, как родственники по крови, должны бы были помогать словом и делом. Их позицию нельзя охарактеризовать иначе, как безнравственную и отталкивающую. Они в глазах народа предстанут как нехорошие, как нечестные люди. Кто же захочет доверять судьбу страны?

Они, к несчастью, бросают тень на всю Династию. Но что ж поделаешь: в семье не без уроды... Хочется сказать им: стыдно, господа!

Другое дело Мария Владимировна с Сыном, которые защищают свое природное право; для них есть долг принять завещанное Им Их Отцом и Дедом место, – будь это хотя бы и тяжелый, и опасный пост.

Напомним еще, что Великий Князь Владимир Кириллович, единственный из всех Романовых, стойко и непрерывно выполнял свои обязанности перед Россией. И если Он передал права Дочери, то уж несомненно знал, что именно так нужно. Человек большого благородства и абсолютной порядочности, Он бы никогда не сделал ложного шага в столь важном вопросе.

Оспаривать законность прав Марии Владимировны и Георгия Михайловича есть вовсе пустое занятие. Лица, состряпавшие разобранную выше брошюру, не знают, – или предпочитают делать вид, будто не знают, – порядок наследования, испокон существовавший и существующий, не только в Российской, но и в большинстве иностранных монархий (за вычетом французской, со свойственным ей особым салическим законом).

Когда в какой-либо династии нет законного наследника мужского пола, трон переходит к наследнице. Ее муж становится принцем-консортом, а их дети продолжают род. Так обстоит у Габсбургов, которые, начиная с Марии-Терезии, суть, строго говоря, Лоррены, и в маленьком Монако, где династия остается номинально Гримальди, став на деле Полиньяками.

Что и говорить об Англии, где трон многократно переходил по женской линии. Да то же случилось и в Грузии, после царицы Тамары.

Наша Династия тоже есть, начиная с Петра III, Гольштейн-Готторпы; что ничуть не умаляет ее законности и никак не может быть ей поставлено в упрек.

А вот называть Георгия Михайловича **прусским принцем**, это как раз вовсе неправильно. Его отец принял православие и формально отрекся ото всех своих прав в Германии. Заметим еще, что с Гогенцоллернами мы так и так в родстве: сестра Владимира Кирилловича, Кира Кирилловна, была замужем за Луи-Фердинандом Прусским, наследником германских императоров.

Если господа имперцы (?) хотят изобретать свои, новые законы о престолонаследии, – милости просим! Только кто же станет их фантазии принимать всерьез и их распоряжения выполнять?

А мы все, которые были верны Великому Князю Владимиру Кирилловичу, пока Он был жив, – останемся же верны Его потомству, и будем служить Его Дочери и Его Внуку с той же преданностью, с какою служили Ему самому!

Владимир РУДИНСКИЙ

Уважаемая Вера Александровна!

Прежде всего разрешите еще раз поблагодарить Вас за любезно присланные мне журналы. Я получил от Вас в общей сложности 30 номеров (с №35 по №64). Последние 15 номеров я прочел практически полностью, остальные – частично. И вот, наконец, пишу Вам **открытое письмо** о журнале, как Вы и просили. Оставляю за Вами, разумеется, полное право сокращать и редактировать материал, т.к. у меня нет почти никакого опыта написания статей. Я записал также несколько страничек своих мыслей, возникших у меня в последнее время, в т.ч. и под влиянием Вашего журнала. Если это Вас заинтересует, то могу выслать и этот материал. А сейчас перехожу к своему "обзору".

Начну с впечатлений от последнего, мартовского, номера. Открывает номер поздравление "Христос Воскресе!" Написано очень хорошо, все четко, ясно, узнал много нового. Здесь и анализ различий двух Церквей – Востока и Запада, и сожаление о том, что церковь до сих пор разделена, и призыв к единству. Как мне показалось, Вера Александровна, статья эта написана Вами. С большим интересом прочел я и Вашу статью "Судьбоносный год России". Написано, по-моему, с огромным пониманием того, что происходит в нашей стране, с надеждой на лучшее будущее, с верой в президента и правительство, чего так не хватает, к сожалению, многим нашим гражда-

нам, озлобленным очередями и бешеными ценами. Досталось от Веры Александровны и Украине, и Эстонии. В отношении Эстонии судить не берусь, а с оценкой деятельности Кравчука, пожалуй, согласен.

Понравилась мне и статья Доры Штурман "Несколько взглядов на аграрный вопрос", в которой приводится речь П.Столыпина в Государственной Думе в 1907 г. Прочел очень внимательно, поскольку раньше читать выступления Столыпина мне не приходилось. Кстати, недавно одна из статей Д.Штурман была напечатана в петербургской газете "Смена". Трудно судить мне о статье Д.Федосеева "Печальная ошибка Польши и других стран социализма", но, по-моему, написано это не для широкого круга читателей. Я, честно признаюсь, далеко не все понял. Но мне показалось, что автор знает выход из того положения, в котором оказались Восточная Европа и бывший Советский Союз. Заодно он дает советы и Западу. Но если все обстоит именно так, то непонятно, почему же лучшие умы не додумались до этого и не постарались воплотить все это в жизнь. И совсем уж знакомо, по-коммунистически, звучит заявление автора о том, что капиталисты только и делают, что "назначают себе гигантские зарплаты". Удивило меня и утверждение, что "социализм и капитализм – родственники". Впрочем, на днях я прочитал в нашей "Смене", что, оказывается, у нас все эти годы был самый настоящий капитализм, а на Западе – социализм. Пожалуй, единственное, в чем я согласен с Д.Федосеевым, так это то, что капитализм эволюционирует и будет иметь еще более высокую продуктивность и еще меньше недостатков.

На одном дыхании прочел я очередную главу Ваших, Вера Александровна, воспоминаний о детстве и юности. Читается легко и с интересом, все представляется очень зримо и заставляет о многом задуматься, вспомнить и свои молодые годы. С нетерпением буду ждать окончания этой повести и надеюсь, что Вы пришлете мне следующий номер журнала.

В каждом номере с удовольствием читаю статьи протоиерея Дмитрия Константинова. Кстати, недавно он прислал мне свою замечательную книгу "Духовная жизнь", за что я ему бесконечно благодарен. В его статье "Несколько слов по церковным вопросам" мне особенно понравилось то, что автор не защищает ни Московскую патриархию, ни РПЗЦ, а подчеркивает, что хуже всего – дальнейший раскол между церквями, "который ничего хорошего никому не сулит". С этим, по-моему, трудно не согласиться.

Очень эмоционально, с чувством описала в письме в редакцию события августа прошлого года В.Паунович.

Из публикаций в последних номерах осо-

бенно запомнились следующие: "На пути реформ" В.Пирожковой (№63), "Шведские впечатления" А.Федосеева и "О брошюре А.Солженицына" В.Пирожковой (№62), "О молитве" Д.Константинова и "Они – ведали" Д.Штурман (№60). В статье "На пути реформ" хорошо сказано о реакции части эмиграции на падение коммунистического режима в России. Вместо радости и веры в то, что будет лучше, что Россия возродится – "недовольство и даже злость, что не настал сразу же рай на земле" и не поднялся "невидимый град Китеж во всей его красоте".

Несколько слов об "Обзоре зарубежной печати" В.Рудинского. Мне кажется, что наряду с серьезным анализом некоторых публикаций, автор слишком много внимания уделяет орфографии, неточностям и просто "ляпам". Зачастую его обзор не очень доброжелателен, хотя, наверное, многие заслужили такое отношение к себе.

Странное впечатление оставила у меня публикация "Вспоминая Уотергейт" А.Альмога (№55). Читал с интересом, но мне показалось, что все как-то перевернуто и подгоняется под нужную схему. Пользуясь словами автора, "здравый смысл подменен концепцией". Правда, в начале статьи сказано, что автор "не претендует на монопольное владение истиной" и что "простая догадка может иногда стоить больше, чем работа целой комиссии".

Более бесспорной мне представляется статья того же автора "Руководящие формы" (№54).

Замечательно написана статья Р.Киршенштейна "Не обманывайте себя и других: прошлого не забыть!" в этом же номере. Казалось

бы, столько уже написано на эту тему... Но сколько души вложил автор в эти строчки, сколько горечи и боли, как метко пригвоздил тех, кто все это сотворил, кто "впился в душу и мозг России".

Хочу еще отметить две статьи Д.Константинова "Рождение Истины" (о Рождестве, №59) и "Воскресения День" (о Пасхе, №56) и две статьи В.Пирожковой "О разном. Фанатизм и ненависть" (ответь о.Лебедеву, сующему рознь в христианстве, №59) и "Яко тает воск от лица огня" (о падении коммунистических регионов, №57).

В Ваших, Вера Александровна, статьях меня всегда подкупает интеллигентность, доброжелательность и удивительное спокойствие и выдержка даже в споре с идеологическим противником. Ваши антикоммунистические статьи по характеру и тону выгодно отличаются от статей других авторов (особенно в нашей прессе). Хотя писать спокойно обо всем этом чрезвычайно трудно. Как сказал погибший недавно поэт Игорь Тальков, "Я всех люблю, но коммунистов ненавижу".

В заключение хочу сказать, что Ваш журнал в целом произвел на меня очень хорошее впечатление. Жаль, что он не выходит ежемесячно, чтобы более оперативно откликаться на события. Желаю "Голосу Зарубежья" и дальше звучать громко и уверенно. А Вам, уважаемая Вера Александровна, желаю доброго здоровья, успехов в Вашей благородной деятельности и всего самого наилучшего. Храни Вас Господь!

С глубоким уважением

Николай ДРАГУН, Россия 192071,
С.-Петербург, ул. Турку, дом 11, к. 1, кв. 260.

Главный редактор: д-р В. ПИРОЖКОВА

Verantwortlich für den Inhalt: D-r V. Piroshkow

Адрес редакции:

D-r V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland

Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

**За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает**

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

